

Прищеп Пекарика

Сергей

Минский

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Алексеевич Минский

Прищеп Пекарика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30812142

SelfPub; 2023

Аннотация

Декан психологического факультета – профессор Пекарик Вениамин Петрович, одержимый идеей возможности замены физической оболочки, после двадцати лет работы со своим информационно-энергетическим полем – тонкими телами, наконец, находит решение – как это можно сделать. Через мучительный выбор между амбициями ученого и совестью не лишённого эмпатии человека он все же находит приемлемый для эксперимента вариант тела, не осознавая еще до конца, что открывает свой личный ящик Пандоры.

Сергей Минский

Прищеп Пекарика

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1.

Редкие серые облака, несущиеся по голубому небу, странным контрастом вписывались в красно-желтую канву начала октября – солнечную и почти безветренную. Осень все переиначила на свой лад, расположившись размашистыми пятнами, кое-где еще с прозеленью, на чуть поредевших деревьях. Отметилась яркими желтыми мазками на мокром после ночного дождя асфальте. Украсила грудой налипших листьев старые, уже отслужившие свой срок, полузабытые автомобили во дворах и проездах, выдавая их и без того понятную неостребованность. Поверхностный ветер, задевавший даже верхушки деревьев, что повыше, совершенно не портил ощущения умиротворения, сквозившего в еще не ставшей ледяной прозрачности воздуха. Что-то идиллическое проникало в сознание через эту красоту естественного увядания. В душе Вениамина Петровича – грустная, но в то же время разбавленная прорывавшимися мажорными вкраплениями – безмолвно царила жизнеутверждающая музыка чувств, ритмом пульсаций отдаваясь во всем теле.

Пройдя по «зебре», он повернул направо и вошел в аллею кленов, разделявшую бульвар надвое. И вдруг... как

будто заново увидел мир. Красота позднего утра вошла в сердце экстатическим восторгом. Запахи увядающей природы, лишь слегка задев ноздри, изменили состояние сознания. Полураздетые деревья и темная влажная плитка аллеи, кое-где проглядывавшая среди растопыренных кленовых листьев, дополнила ощущение нереальности. Мягкое преобладание желтого и красного цветов, смешиваясь с уже не свежим зеленым, вторглось в глубины бессознательного, обнажив спящую чувственность, чтобы дополнить ею не смело, но настойчиво нараставший восторг, со вчерашнего дня поселившийся в душе.

Еще неделю назад он – Пекарик Вениамин Петрович, декан психологического факультета, ученый с полновесным в профессиональной среде именем – не знал точного ответа на вопрос, который беспокойно жил в нем почти двадцать лет. Это было сумасшествие духа, чему оказалось посвященным полжизни времени и вся она, без исключения, с точки зрения разработки фантастической на первый взгляд идеи. Но вчера за столь долго ожидаемым озарением ума тихой сапой в сердце Пекарика-человека вкрался триумф чувств. Он был просрочен. И потому бурной радости Пекарику-ученому не принес. Но не только радости, но и непоколебимой уверенности в наконец-то свершившееся чудо. Она и была, и нет. Требовался эксперимент. А без него все теоретические экзерсисы оставались пустым звуком. Вся же сложность эксперимента основывалась на простом соображении – его

придется проводить на себе. Слишком велика цена вопроса. Амбиции ученого вождели вселенского признания, а внутренняя суть от самых укромных ее глубин до почти божественного слияния с мирозданием противилась появлению такого разрушительного для неискушенных душ соблазна. Человек в Пекарике понимал губительность этого открытия для мира. Понимал, что мир, узнав о такой технической возможности, перешагнет некую духовную грань и уже никогда не сможет стать таким, как был. Он станет хуже, станет кроваднее, не смотря на все его стремление к духовности. Но в случае авторизованной проверки теории, названной как-то в шутку «прищепом Пекарика», ее основатель – Пекаринк Вениамин Петрович, как гражданин, как туловище, наконец, исчезнет, чтобы уже никогда не возродиться. А если в другом физическом теле он когда-нибудь заикнется о том, что он не такой-то и такой-то, а Пекаринк Вениамин Петрович, то соответствующего диагноза, а, в этом случае, сумасшедшего дома и участливых взглядов новых родственников ему, вероятнее всего, не избежать. Конечно, проведение эксперимента невозможно без нескольких участников. Но что они могут подтвердить? Как доказать правду тем, кто не готов ее принять?

Эти размышления несколько урезонили выступившие было вновь амбиции, с упреком напомнив их обладателю, что суть этого эксперимента трагична по сути своей. Для одного человеческого существа это потеря физического тела с

энергетической составляющей. А для другого – это вообще смерть в обычном понимании...

Навстречу, покачивая бедрами, нога за ногу, как это делают модели, шла женщина лет тридцати пяти, и Вениамин Петрович на некоторое время отвлекся от мыслей. Отметил, что она не просто привлекательна, но даже красива. «Конечно, – подумал, – что-то будет за пределами совершенства. Обязательно, да найдется изъян. Как без него?»

С минуту эта мысль еще не покидала. Он вдруг поймал себя на том, что каким-то образом все это перекликается с тем, о чем он только что думал. Скорее всего, рассуждение о несовершенстве ассоциировалось с неудачей, возможность которой на практике равнялась, дай бог, пятидесяти процентам. А что это значит? Это значит, что эксперимент с точки зрения науки – чистейшей воды афера. В любой момент осуществления он может провалиться. Амбициозный проект, звучавший не менее амбициозно – «Прищеп Пекарика», к сожалению, мог накрыться медным тазом точно с таким же успехом, как и осуществиться. И тогда развоплощение или смерть постигнут оба существа – и претендента и донора.

«Неужели это тебя остановит? – сарказмом отозвалось в сознании, реактивно вызвав соответствующую мысли улыбку, – Разве мало исследователей пострадало от своих открытий?»

– То-то и оно, – выговорил он виртуальному собеседнику. Вениамин Петрович, еще некоторое время сочетавший в

себе два удовольствия – торжество собственного открытия и «неувядающую прелесть увядающей природы» по спонтанно родившемуся каламбуру – стал в большей степени склоняться к созерцанию окружающей красоты. И не только осени. По мере приближения к университету встречалось все больше молодых, с еще не потускневшими взорами женщин. И все они почему-то сегодня казались Вениамину Петровичу красивыми и одухотворенными. Вот уже в перспективе улицы стало просматриваться выдававшееся почти до самого тротуара высокое крыльцо главного корпуса. И, наконец, профессор, отвечая все чаще на приветствия, подошел к анфиладе ступеней, ведущей к широкой – почти во всю длину здания – площадке по типу бельэтажа. Поднялся наверх и нырнул в холодную тень козырька.

И почти сразу увидел знакомую спину Румана у самых дверей. Своего зама Вениамин Петрович знал еще с сопливого дворового детства, когда того чаще в среде мальчишек звали Мойшей, чем Мишей, то ли утверждаясь, то ли пытаясь таким образом обидеть. А еще в пылу случавшихся пацанских разборок он мог оказаться «хитрожопым евреем». Или еще чем-то похуже. Тогда Пекарику, если до его ушей такое доходило, ничего не оставалось, как физически реагировать на обидчика, потому что Руман был младше и слабей – а дружба есть дружба. Это сейчас ему понятно, что у фигурантов тех событий еще не были сформированы личности, необходимые для жизни в социуме. Были только мятущие-

ся в непривычных планетарных телах сущности. Они наивно повторяли за взрослыми модели поведения, привычки, выражения и уклад жизни. «Оскомину» от «кислого винограда» предков предыдущее поколение незаметно ни для тех, ни для других, как и эстафету самой жизни, передавало следующему. Волна памяти, на мгновение захлестнувшая Вениамина Петровича, услужливо напомнила, кем был он сам в том наивном социуме. И Веником, и Пекарем. А иногда еще и Рыжим. Хотя настоящим рыжим и не был. Но народ не обманешь. Хоть и блондинистым считал себя сам, но красноватая в веснушках кожа лица выдавала породу. «И тут уж хоть плачь», – улыбнулся пришедшему откровению Пекарик.

– Михаил Моисеевич!? Подожди, пожалуйста.

Руман остановился и обернулся удивленно: мол, что за спешка такая в трех шагах от деканата. Это в мгновение ока развеселило Пекарика. Он даже забыл, зачем пытался остановить его. «Неужели просто так? Не задумываясь – зачем? Как в детстве: увидел – окликнул». Наконец, дошло: воспоминания, пришедшие как раз после появления в поле зрения спины друга детства, как раз и спровоцировали скачек сознания в прошлое, зафиксированное на всю жизнь в нижних банках памяти бессознательного – на том примитивном уровне, где записывается вся информация, связанная с эмоциями и чувствами. «Поразительно! – обрадовался, словно в первый раз констатировал этот феномен психики, – Временной показатель напрочь отсутствует!»

– Привет, Миша! У тебя же, кажется, сегодня нет первой пары?

– А! – пожал тот протянутую ему руку, – Хватает дел после лета. Пока в колею все войдет... – лицо его стало расплываться в улыбке. «Сейчас схохмит, – Вениамин Петрович слишком хорошо знал этот взгляд, тысячелетиями формировавшийся в бессознательной памяти потомков Адама, – Сейчас похвалит себя, жалуясь на жизнь», – Сам же знаешь, – не обманул его ожиданий Михаил Моисеевич, – основная административная работа лежит на замах, а не на начальниках.

Вениамину Петровичу почему-то очень захотелось нагрубить. Ему всегда в таких случаях поначалу хотелось это сделать. «Фрустрация проклятая! А что ты хотел? Столько лет вместе. Разве можно не надоест друг другу за это время? Будто я сам чем-то лучше... – он виновато взглянул на старого друга, – Вот так-то... чувство вины спешит нейтрализовать спонтанную оплошность ума».

– Ну да, Михаил Моисеевич, умеешь ты с утра порадовать начальство, – Вениамин Петрович эмоционально как бы извинялся, беря на вооружение его прием, но в то же время подчеркивая – who is who, – Ты имел в виду, что, типа, вся моя байда на тебе? – он засмеялся, удачно используя, как ему показалось, молодежный сленг для придания несерьезности разговору.

– А то!?! – поддакнул Руман.

– Ну-ну! Кстати, Миш, зайди ко мне, как освободишься.

Есть серьезный разговор, – Пекарник уловил во взгляде друга вопрос и машинально ответил, положив ему руку на плечо, – Очень серьезный, Миша. Серьезнее не бывает... и не спрашивай пока ничего, – заметил в его мимике желание уточнить, – Это требует времени.

2.

То, что Руман бросит все дела, если они не связаны с другими людьми, и что через полчаса, выдержав достойную себя паузу, будет уже у него, всецело отдавшись любопытству, не стало бы для Пекарника новостью. Скорее, новостью мог стать его продолжительный неприход. Подумав об этом, Вениамин Петрович все же позвал секретаря.

Когда она вошла, посмотрел на нее внимательно. Сквозь улыбку. И девушка забеспокоилась, машинально осмотрев себя спереди.

– Хорошо выглядите, Леночка.

Она смущенно и потому как-то по-детски улыбнулась.

– Спасибо, Вениамин Петрович.

– Вот. Так гораздо лучше, – снисходительно заметил он и сделал короткую паузу, – Итак, Елена Дмитриевна... – девушка снова заметно напряглась, – Мне нужно все, что у нас есть, на студента Дарского. Абсолютно все. Буду благодарен за любую информацию помимо официальной.

– Да, Вениамин Петрович. А Дарский что...

– Елена Дмитриевна, вам что-то непонятно? – Пекарник

подчеркнуто серьезно обозначил неуместность ее любопытства.

– Да нет... все понятно, Вениамин Петрович, – стусевалась она, – вы не подумайте... просто я...

– А я ничего не думаю, Леночка. Не волнуйтесь, – улыбнулся он ее душевной простоте, – все у него хорошо. Просто Дарского мне рекомендовал Михаил Моисеевич для научной работы со студентами старших курсов, – Вениамин Петрович отвернулся и подошел к окну, – У меня все, Елена Дмитриевна.

– Да-да, Вениамин Петрович, – Леночка как-то суетливо повернулась и пошла к двери. А когда протянула руку, чтобы открыть ее, стоявший уже со скрещенными руками и наблюдавший за ней поверх очков Пекарик, усмехнувшись, спросил:

– А что, Леночка, красивый парень Саша Дарский?

Она вздрогнула. То ли от неожиданно прозвучавшего голоса, то ли от сути самого вопроса. Но не обернулась сразу. А обернувшись, с детской наивностью просто сказала «да», чем смутила Пекарика, не ожидавшего, что он еще способен на такое.

Девушка вышла. А Вениамин Петрович задумался. Что за человек Александр Дарский? Чем живет? Насколько здоров его организм? Каковы его ближайшие родственники? Его интересовало все. Ему любопытно было все, связанное с этим человеком...

В дверь постучали.

– Входи, Миша, – Вениамин Петрович, мельком взглянув на руку, зафиксировал положение минутной стрелки: «Полчаса – ни больше, ни меньше. Руман в своем репертуаре».

Михаил Моисеевич бочком просочился в высокую дверь кабинета.

– Присаживайся, Миша. Как Роза Аркадьевна? Жива-здорова?

– А что? Ты ее так давно видел? – улыбнулся тот своей шутке, – Да что с ней станется, Веня. Жива... и здорова, слава богу, моя девочка.

Пекарик вышел из-за стола и направился в сторону двери.

– Я вот чего позвал тебя, Мишель... – начал он. Потянув за ручку, обратился в проем, – Елена Дмитриевна, я – только для начальства, – Вернувшись в кресло, Пекарик на секунду задумался, машинально сгруппировавшись в позу Сократа, – Миш, может, помнишь, несколько лет назад мы сидели у меня...

– Уточни...

– Не перебивай! Если бы это было важно, я бы говорил о конкретном времени. Но время не важно – важно то, о чем мы говорили. Тогда еще я сказал, чтобы вы не распространялись об этом никому. Ну? Припоминаешь?

– Да. Помню. Точно, мы сидели тогда... – глаза Румана вдруг расширились, всем своим видом говоря о невероятности того, о чем он подумал.

– Да, Миша, – у Пекарика от восторга перехватило на мгновение дух, – Ты не ошибаешься в своих догадках. До меня, наконец-то, дошло, как это происходит. И теперь я знаю – что и как необходимо делать.

– И как? – машинально выпалил Михаил Моисеевич, почти сразу же осознав бессмысленность вопроса, на который невозможно ответить двумя словами.

– Что как? – не понял Вениамин Петрович.

– Нет-нет, ничего! Прости! Продолжай, – повинулся он.

В кабинете на несколько мгновений повисла тишина, показавшаяся Михаилу Моисеевичу чуть ли не вечностью. Чувство такта, только что не выдержавшее конкуренции с природным любопытством, вернулось к нему. А вместе с ним, увлекая в себя, пришло осознание чего-то грандиозного, феерического, что вот-вот накроет его с головой и изменит до неузнаваемости жизнь. Ему стало как-то так все равно: как это произойдет и в какую сторону заведет. Он даже успел подумать: «Разве это важно?» Но вслед за этим что-то перемкнуло в сознании, и он вдруг испугался этой крамольной мысли: «Как же неважно? Разве мне неважно, что со мной будет?»

– Ну, так вот... – Вениамин Петрович вздохнул, – Теоретическая часть и все необходимые расчеты сделаны. Кроме всего прочего я интенсивно изучаю структуру своего информационно-энергетического поля – тонких тел. Выхожу за пределы тела физического. Так сказать, преодолеваю ча-

стотный диапазон нашего рационального сознания. Это происходит достаточно планомерно, чтобы положить начало работе с тем, о чем мы будем говорить... – он улыбнулся, – Миша, расслабься. Чего так напугался?

Михаил Моисеевич почувствовал, как кровь обожгла кончики ушей. Вопрос о том, как же это там – за всеми пределами, который уже готов был сорваться с губ, сразу же отошел на второй план. Пекарик его разозлил: «Не может без своих дурацких подколов, – подумал в запале, – Теперь думай – правду говорил или голову морочит?»

– Веня, может, обойдемся без хамства. Я ведь очень внимательно слушал тебя. И уже начал верить. А теперь вот опять не знаю... при чем я сейчас присутствую. При великом открытии или, как в анекдоте, при разведении кроликов? А ты...

– Можешь не сомневаться, – вдруг став совершенно серьезным, прервал его эмоциональный всплеск Пекарик, – При открытии. Но, чтобы оно состоялось, – прочертил указательным пальцем круг перед собой, – стало реальностью, мне понадобится помощь.

Он сделал паузу, нарушить которую Михаил Моисеевич не рискнул. «Вроде, правда, – подумал, – но такая неправдоподобная. Если бы сегодня впервые услышал о таком, может, и не поверил бы... но ведь шесть лет назад уже был разговор на эту тему. Идея фикс? Зная Веника, об этом не скажешь. Он на пустом не фиксируется. Да и просто изображать из се-

бя супергероя?.. не-ет... это вред ли».

Пекарик посмотрел на своего старого друга, на его растерянный вид, на лысеющую, наполовину седую голову – когда-то кудрявую, с темно-каштановой шевелюрой. «Господи, да ведь он на два года младше меня... сорок шесть». Промелькнула бредовая мысль, что Роза Аркадьевна вампирит у него энергию. Мысль заставила улыбнуться: «Вот... циником мне быть гораздо привычнее. А главное – безболезненно». Вениамин Петрович еще секунду помолчал, обдумывая, когда удобнее поговорить с Руманом – сейчас или вечером. Решил – не сейчас: пусть созреет.

– Миша, тебе вечером удобно будет зайти ко мне?

– Во сколько? – вопрос прозвучал как готовность.

– Ну, скажем... – Пекарик приподнял руку и поправил браслет, – Часа... в четыре я, надеюсь, буду свободен. Может, и раньше получится? К двум мне к проректору по науке. А на сколько это затянется – не представляю. Давай, с поправкой на всякие мелочи, часам к шести... для надежности. Годится?

– Вполне. Я еще и домой успею.

– Ну, вот и хорошо. Как освобожусь – наберу. Все. Не задерживаю тебя больше, – по привычке прощаться с посетителями отрезал Вениамин Петрович к видимому неудовольствию Румана.

День не предвещал Александру Дарскому никаких сюрпризов. Какие сюрпризы? Зачем? Именно из-за них, как известно, жизнь из пресной превращается в терпкую, кислую или соленую. Иногда, в виде исключения – в сладкую. Правда, ненадолго. Но вот с них как раз – с сюрпризов – все и началось. Сначала пришлось спускаться с восьмого этажа по лестнице: лифт почему-то молчал – и это оказалось только первой ласточкой. Выйдя из подъезда, с горечью оценил ситуацию. Перед его машиной – поперек – красовалась маленькая желтенькая «мазdochка». Прикинув, понял – хозяин этого «цыпленочка», даже если и пошел, чтобы только что-то взять и спуститься вниз, в пять минут не уложится. Догадка же, что это может быть не хозяин, а хозяйка – и даже, скорее всего – перечеркнула все потуги эвклидовой логики. Он тоскливо посмотрел на часы. Ждать каких-то привилегий от судьбы, похоже, не стоило. По крайней мере, сегодня. Правда, ехать в университет или идти пешком – по времени – почти одно и то же. Иногда на машине – даже дольше. Разделительная полоса повернуть к университету около самого здания не давала. Это не то, что просто линия, которую можно пересечь, с оглядкой пренебрегая правилами. А до места разворота – километра полтора. Конечно, для машины – дело левое. Но тут все упиралось в скопление в этом месте желающих развернуться. Иногда осуществить такую простую операцию при интенсивном встречном потоке получалось с третьего, а то и с четвертого светофора. Вот и получалось:

что пешком, что на машине – почти одинаково. Общественным же транспортом – по кругу – в два раза дольше. Другой раз Александр даже не обратил бы никакого внимания на эту засаду. Но сегодня, как назло, надо ехать. Сегодня после занятий необходимо попасть в ту часть города, где нет метро. Отдавать бобло за такси – туда и обратно – жаба задавит. А добираться на перекладных – тоже не фонтан.

Простояв долгих минуты три, он уже было собрался уходить, утешаясь мыслью, что недалеко, и что «бэху» свою заберет после занятий: «Подумаешь: пару километров для собаки – не круг». И тут его ухо уловило звук открывавшейся двери, а боковое зрение – движение: из подъезда кто-то выходил.

«Неужели Шарикову свезло?» – он повернул голову в ту сторону. И на мгновение забыл и об университете, и о своей «пятерке», «ноздрями» уткнувшейся в бок желтенькой «мазды». И о себе самом. «Вот уж поистине – принцессу видно по походке», – сцена сознания всецело заполнилась восторгом. Но, правда, ненадолго. Его сменил жизнеутверждающий цинизм: «Падать ниц и целовать ноги... между ботфортами и подобием юбочки... Bravo, Карл Густав Юнг... и вам, и вашей синхронии. Ну, кто бы сейчас поспорил со мной по поводу того, кто же хозяйка этого «цыпленочка»... или «канареечки»? – Александра снова охватило чувство восторга: желтенькая коротенькая курточка через узость талии подчеркивала шикарную округлость бедер, – Пожалуй,

мне дважды свезло. И на машине поеду, и с девушкой красивой познакомлюсь». В последний момент ему показалось, что незнакомка все же собирается повернуть от него в сторону. «Не-ет... не-ет, не может быть. Надо, хоть познакомиться, – впорхнула в сознание отчаянная мысль, – Черт уже с ним, с этим универом... или хотя бы с первой парой».

– Ради бога, извините, пожалуйста...

И проверенная пауза. Она срабатывала, за редким исключением, всегда.

– Да? – девушка взглянула ему в глаза с лукавым любопытством, – Я слушаю вас, молодой человек.

Дарский интуитивно почувствовал – коса нашла на камень: «Либо очень умна. Либо глупа до безумия». Тут же снова нарисовался цинизм со своим беззлобным комментарием: «Ну что? Вот тебе и дилемма, дорогой. Как это там... умные женщины управляют умными мужчинами, а глупые – любимыми? Вот и получается – ты проигрываешь при любом раскладе».

Незнакомка вытащила из кармана ключ зажигания и «канарейка» отозвалась сигнализацией.

– Вот это я как раз и хотел узнать, – обрадовался Дарский, – Вы мою машину заблокировали, – поспешил он ответить на недоумевающий взгляд незнакомки.

– Вашу? Извините... ради бога, – девушка будто подсмеивалась над ним, повторив его «ради бога». Но изобразила при этом виноватую улыбку, – Я буквально на секундочку.

Забегала посмотреть квартиру.

– Здесь у вас квартира? – простовато удивился Александр, – Что-то я раньше вас не видел?

– Может, не обращал внимания? – кокетливо спросила незнакомка, переходя на «ты». Улыбка выдала игру.

«Конечно, понимает, что такого просто не может быть», – Дарский в вопросе тут же уловил интерес к себе.

– Вы сами-то в это верите? – не стал он нарушать предложенные ей правила. Впрочем, играть-то особо и не пришлось – подсознание выделило полный набор чувств.

– Шучу! – красиво засмеялась незнакомка и протянула ему маленькую ручку, – Валерия.

– Очень приятно, – он подержал ее пальчики чуть дольше, чем, казалось, необходимо, легонько сжав, – Александр.

– Мне нужна квартира, Саша. В вашем доме – один из вариантов.

– Купить или снять? – беспардонно высказал интерес Дарский, тут же почувствовав возможную неуместность вопроса, – Извините, ради бога, за любопытство.

– Ничего страшного, – немного смутилась она, – Снять, конечно. У меня пока и денег-то таких нет, чтобы купить.

– Так мы с вами можем стать соседями, Валерия?

– Можем. Если меня устроят условия... кстати, можно просто – Лера.

– И на «ты»... – не то спросил, не то высказал пожелание Саша.

– Давно пора, – обворожительно засмеялась она, – Разве в этом суть фамильярности? Я вообще не люблю выканья. Весь Запад – на «ты». Но понимание уважения, а тем более – субординации... можно только позавидовать, – Лера подошла и открыла дверцу «канарейки», – Саша, извини, мне пора. Приятно было познакомиться.

Она открыла сумочку и достала оттуда визитку.

– Вот... может, понадобится что-нибудь... тогда, ради бога, – она улыбнулась, – Клевая фишка.

– Да это не фишка, – Дарский взглянул на визитку, – «Представительство? Парфюмерия?» Посредине на кремовом фоне прямоугольника большими золотыми буквами с вензелями выдавлено – «Валерия». А под ней – маленькими – «менеджер». «Понятно теперь, почему мы такие разговорчивые», – Спасибо, Лера. Ты даже не представляешь, как облегчила мне жизнь, – заулыбался Саша.

Она вопросительно посмотрела на него. Типа – «о чем ты блеешь, козлик?» Но тут же, спохватившись, поменяла взгляд – улыбнулась. «Судя по тому, как посмотрела, вряд ли поняла, что я имел в виду ее телефон, а не координаты продавца парфюмерии», – подумал.

Лера, продолжая мило улыбаться новому знакомому, села за руль и помахала ручкой. А через несколько секунд «канарейка» уже выруливала со двора. Александр встрепенулся. Он совсем забыл, что куда-то спешил, о чем-то переживал только что. Настолько увлекся. «Неужели судьба?» Послед-

няя мысль и приятно, и в то же время неприятно отозвалась в сердце, как будто предупреждая о чем-то. Заставила задуматься на секунду.

– Да пошло все к черту! – выплеснул он, наконец, собиравшиеся сомнения: «Будь, что будет!»

4.

Вениамин Петрович уже почти подходил к дому, когда из угла здания навстречу вышел Дарский – заставил вздрогнуть от неожиданности. Он почтительно поздоровался, проходя. И Пекарик ответил, кивнув. Кровь разнесла по сосудам возникшее чувство вины, моментально напомнив о Румане и о том, что тот ждет звонка. «Да-а, на вору и шапка горит», – подумал, и эти слова – нет-нет – да и всплывали в сознании через обрывки мыслей до самого подъезда.

Войдя в квартиру и раздевшись, Вениамин Петрович вымыл руки, вспомнив почему-то Пилата. Как будто он – Пекарик – собирался отдать Александра Дарского на распятие. Будто в его власти – быть тому или не быть. «Разве Пилат мог что-то сделать... или не сделать?... – пришла спасительная мысль, – В том-то все и дело, что не мог». Мысль принесла осознание, что прокуратор так же, как и все участники того действия, пребывал в руках Бога Отца. Вселенной. Великой нелинейной системы, с ее огромнейшей инерцией, в чьей власти находится все. И что человеческая воля по сравнению с реализацией созданного ею причинно-следственно-

го порядка развития событий, собственно, ничто. От догадки перехватило дух. И, как результат, пронзило, как молния, озарение: «Вот она – небесная твердь: пространство в рамках физической Вселенной – это вещество, которое я наблюдаю изнутри. А вещество – это пространство снаружи. А я, находясь между супер великим и супер малыми мирами, божественная середина. Я – и бог и ничтожество одновременно». Такую альтернативу живой ум профессора обойти, просто, не мог. «Так кто я? – не преминул в нем отозваться циник, вызвав улыбку, – Божественное ничтожество? Или ничтожное божество? Не-ет... я не то и не другое: я – пульсирующее богоничтожество... я – человек...»

Додумать не получилось – прозвенел звонок в дверь. Пекарник поймал себя на мысли, что в его руках чайник, что он собрался наполнить его водой, чтобы встретить друга чашкой кофе. А потому решил довести дело до конца: «Подождет секундочку». И только после этого пошел открывать.

Руман стоял в спортивном костюме и почему-то не в домашней обуви – в кроссовках, с заложенными внутрь не завязанными шнурками, держа в руках свою кожаную сумку. «Через магазин, видимо, ко мне», – Вениамин Петрович сделал приглашающий жест.

– Заходи, Миша. Сейчас кофе пить будем... если хочешь, с коньяком, – нарочито спохватился он, улыбаясь.

– С коньяком – это здорово, – Михаил Моисеевич понял, что его раскусили и издеваются. Похлопал ладонью по сумке:

– Знал бы, что мне здесь предложат, сэкономил бы.

– Нет, Мишель, ты не настоящий еврей. Тебе же уже предложили – зачем трезвонить о своей бутылке?

– А это как? Анекдотический, что ли? – с серьезной физиономией сделал ответный ход Руман, – Ты готов ответить за свои слова?

Пекарик снова улыбнулся:

– Может, обойдемся без разборок? Я что – не пацан?

– Пацан или поц? – в лице Румана промелькнуло не то, чтобы злорадное, но все же удовольствие. «Вот он – кислый виноград предков», – снова вспомнил библейскую сентенцию Пекарик.

– Так, Руман, прекращай межэтническую рознь разжигать. Потом будешь обвинять меня в антисемитизме.

– А кто первый начал? – возмутился тот.

Оба как-то невесело рассмеялись. Будто одновременно оценили, что не очень-то эта юношеская бравада соответствует их нынешнему состоянию. Да и настроению. Обоим на мгновение стало грустно. Может, от того, что ушло бесшабашное время, когда такое препирательство было нормой, и что в их шутке больше банального цинизма, чем самой по себе шутки. Но, как ни странно, именно это, дав единство понимания, что с ними происходит, вдруг снова сблизило. И оба почувствовали это.

Вениамин Петрович плеснул на доньшки широких внизу рюмок содержимого красивой бутылки. Михаил Моисее-

вич взял ближайшую к нему, насладился запахом и сделал глоток. Пекарик, как всегда, лишь пригубил. Он вообще не пил, а лишь соприкасался с хрустальной коньячной рюмкой, только, чтобы ощутить обжигающую ноздри терпкость со-держимого.

Затянувшаяся кофейная пауза абсолютно не напрягала. Каждый думал о своем. Но обоим казалось, что мысли у них одни. Михаил Моисеевич предполагал то, что услышит. А Вениамин Петрович то, что скажет. Наконец, Пекарик улыбнулся.

– Ну что, Миша...

– Веня, давай без церемоний. Я готов. Тем более, что многое из того, что ты мне сейчас расскажешь, я так понимаю, уже шесть лет назад слышал.

– Да. Но то, что я рассказывал тогда, это – цветочки, – Вениамин Петрович на секунду задумался, – Надеюсь, тебе не нужно объяснять, кто такой Никола Тесла?

– Ну, кто не слышал о Тесла? Это выдающийся физик. Работал с электричеством.

– Да, Миш, это великий ученый, – продолжил Вениамин Петрович, – Он намного опередил свое время. Как ты знаешь, благодаря ему, мы сейчас пользуемся переменным током, а не постоянным. Чтобы было понятнее, скажу, что нынешний столь мощный технический скачок мог бы без него и не состояться. Среди современников существовало высказывание о том, что именно Тесла сотворил двадцатый век.

– Да-да, я что-то такое слышал, – сделал несмелое замечание Михаил Моисеевич, – А, кстати, забыл – кто он по национальности?

– Миша, – улыбнулся Пекарик, – Ты хочешь услышать, что он еврей? Таки нет, Миша. Тесла – серб. Но речь сейчас совсем не об этом.

– Да я слушаю... слушаю, – повторил Михаил Моисеевич с нажимом.

– Речь о том, что многие из своих изобретений он человечеству так и не доверил, осознавая, что люди пока не готовы принять такой дар.

– Серьезно? – удивился Руман.

– Совершенно. Вот и я думал – стоит ли рисковать собой? Стоит ли вообще проводить эксперимент, о котором, возможно, я никогда не смогу рассказать людям? Но... – Вениамин Петрович на пару секунд замолчал, будто подбирая слова, чтобы понятнее выразить мысль, – Но любопытство исследователя, Миша, зуд, обещающий чувство эйфории, который сопровождает меня уже многие годы, подсказывает, что я должен экспериментально закрепить свое открытие. Что именно это уготовано мне судьбой. Я чувствую, это она – судьба. А избегать ее – занятие опасное.

С минуту длилось молчание.

– Веня, – осторожно начал Руман, – я пока слишком далек от понимания чего-либо. Может, ты уже конкретизируешь – с чем хочешь меня познакомить. А то у меня ощущение, что

ты меня сканируешь – проверяешь, можно мне довериться или нет?

– Ну что ты такое говоришь? – возразил Пекарник, – А зачем я тебя тогда позвал? Ты пойми – то, что я тебе сообщу не дело двух минут, и даже не двух недель. Это система, которую тебе придется изучить. Но и это не главное. Главное – что по сравнению с психологией это парадигмально иное представление о человеческом сознании, через которое тебе придется воспринимать не только взаимодействие физиологии и психики, о чем сейчас принято говорить, но и многое другое. Например, понимать материю не только как вещество нашего физического мира, – на лице Михаила Моисеевича отразилось повышенное внимание, – Не торопи меня, Миша, ведь в итоге я собираюсь доверить тебе не только сокровеннейшую из моих тайн, но и свою жизнь. А Тесла я вспомнил, чтобы объяснить тебе противоречия, борющиеся во мне, с одной стороны. А с другой – показать тебе примитивнейший способ получения информации из иной реальности, который я позаимствовал у него и который лежит на поверхности – незамечаемый. Именно через него я понял, а затем и научился перетекать сознанием в иной частотный диапазон вселенной без потери памяти...

– Ошарашил ты меня, однако... – начал, было, Михаил Моисеевич, но Пекарник перебил его. Видимо почувствовал, что товарищ собирается славословить.

– С вводной речью покончено. Выбирай. С теории начнем

или рассказать тебе о моих практических экспериментах?

После секундной паузы Руман кашлянул в ладонь.

– Знаешь, Вениамин Петрович, – он стал отрешенно серьезен, – ты владеешь предметом и тебе определять, с чего лучше начинать. Давай, по порядку. А я превращаюсь в уши, потому что, то, что уже успел услышать, настолько превалирует над моим нынешним пониманием действительности и не соответствует моей карте реальности, что ни о каких амбициях ученого с моей стороны не может быть и речи. Коротче... – выражение его лица показало всю трудность отречения от собственного эго, – я – твой ученик... и это без всякого сарказма.

5.

Пекарик добавил немного коньяку в рюмку Румана и три капли – символически – себе:

– Давай... за то, чтобы у нас все получилось.

– Давай. Я почему-то верю... и в тебя, и в то... что, чему быть, тому не миновать, – Михаил Моисеевич спохватился, – Начинай, Веня. Не терпится уже увидеть мир через твою карту реальности.

– Сейчас, – Вениамин Петрович помолчал несколько секунд, – Начну, пожалуй, с того, каким образом я вышел на все это... давай, забирай бутылку и рюмки, а я все остальное. Неси на журнальный столик – к дивану. Там будет удобнее.

Устроившись, друзья настолько прониклись доверием

друг к другу, что весь оставшийся налет социального шлама облетел полностью. Он открыл души, дав возможность слиться в едином творческом порыве, когда не нужно долго и натужно объяснять суть предмета и когда намека достаточно для осмысления чего-то сложного, кажущегося громоздким и неподъемным с точки зрения понимания посторонним человеком.

– Представь себе, что твое сознание состоит из трех ярусов, – Вениамин Петрович внимательно посмотрел на товарища, – Но не так, как у Фрейда. Старик Фрейд путал подсознание с бессознательным.

Михаил Моисеевич согласно кивнул, одновременно пожав плечами.

Убедившись, что его речь не собираются перебить вопросом, Пекарик продолжил.

– Окультизм говорит о трех планах бытия – физическом, астральном и ментальном. И о семи из девяти подпланах, в основном различаемых его адептами. Георгий Гурджиев – если помнишь, я говорил – описывает человека, как трицентричное существо, обладающее тремя центрами сознания. В даосизме есть понятие о трех дантянях – верхнем, среднем и нижнем. И там, как и в оккультизме, есть девятиричная модель информационно-энергетических уровней материи, сосредоточенных в них. Египетская философская традиция говорит о семи планах. То же самое мы видим и в индуизме – семь тонких тел. В какой-то степени и Каббала в Древе

Жизни дает семь планов или ярусов, на которых располагает десять сфер, но там тоже есть троичность – личность, душа и дух... -Пекарик на секунду замолчал, – Чтобы было проще понять, представь себе старый дом с подвалом и чердаком. Подсознание – это подвал сознания. А надсознание, или, как его часто называют, сверхсознание – чердак. На чердаке – все, что не выбрасывается и храниться поколениями. Это наше архетипическое сознание – плод метемпсихоза с его реинкарнационной памятью. В подвале хранятся запасы для выживания физического тела. Генотипическое, если можно так сказать, сознание. Или сознание, сосредоточенное в эфирном теле человека. Первичное – животное сознание. Оно всегда находится при физическом теле в процессе жизни. Даже тогда, когда мы с бытовой точки зрения теряем сознание, мы теряем только его рациональную и творческую части. Первичное – остается, чтобы выполнять вегетативную функцию. Понимаешь, о чем я?

– Ну, конечно: суть я улавливаю, хотя и не совсем... но мне очень интересно, – заметил Михаил Моисеевич.

– Здесь два аспекта... Первый необходим для понимания, почему появляется противостояние животного и божественного уровней сознания. А второй – для осознания того, что ни животное, ни божественное – не обладают такими возможностями дифференциации информации, какими обладает средний уровень – рациональное сознание. Оно, являясь полем борьбы, умножает двойственность одного и дру-

гого. Первичное сознание – или подсознание – оперирует понятиями «приятно – неприятно», в которых опасность и удовольствие, страх и наслаждение. А надсознание заведует творческими категориями – «хорошо – плохо». И вот когда на поле рационального сознания сталкиваются плохо сопоставимые категории, например «приятно» и «плохо», это поле превращается в поле сражения.

– Ну, это-то классика... – вставил комментарий Руман.

– Да... конечно, это конфликт, – продолжил Пекарник, – И в этом случае мы выбираем направление. Помнишь? Как в сказке. Три дороги перед нами. Остаться животным, сохранив тело. Перейти в божественный мир, это тело потеряв. Или остаться человеком, укрощая в себе животное через связь с этим божественным миром.

– Да-а?.. – Михаил Моисеевич что-то хотел сказать, но Пекарник продолжил.

– А в Дзэн-Буддизме муслируется тема длительности передачи информации в человеке. Вот, например, вопрос ученика – «куда летят птицы?», и ответ учителя – «уже улетели». Это тоже наталкивало меня на не замечаемую нами в процессе мышления длительность восприятия действительности. Кстати, с потерей ее истинности. Это приводило к соображениям, нагнетающим во мне такую тоску бессмысленности и бестолковости бытия, случайности событий, как это трактует современная наука. Начинало складываться мнение, что вся эта книжная заумь, а особенно умствования пи-

сателей, поднимающих и интерпретирующих подобные темы, нужна только для того, чтобы стричь глупых овец наподобие меня. Я стал думать, что все-таки и наука наша вообще, и психология, в частности, приемлющие лишь эмпирическое и рациональное познание мира, правы в своем консерватизме. Но что-то внутри меня поддерживало ощущение, что вот-вот что-то до меня дойдет. Что-то такое произойдет, и я все пойму и стану другим.

Последней каплей тогда стал Гермес Трисмегист, его многочисленные последователи и, наконец, карты таро, поиски смысла в которых ввели меня окончательно в ступор. Я уже не хотел ничего, кроме того, чтобы вернуться на исходную, забыть весь этот кошмар, обещанный Библией, – Вениамин Петрович уловил тень недоумения во взгляде друга, – Многия знания – многия печали, – уточнил он, и посмотрел на забытые рюмки.

Михаил Моисеевич сидел и молчал, настолько поразило его услышанное, что через догадки, через озарения поражаало масштабностью и чудесностью.

– Ну вот, – продолжил Пекарник, – я уже окончательно запутался и был близок к состоянию сумасшествия. Это было летом – мне тогда стукнуло тридцать четыре: я сидел с книгой арканов таро на берегу нашего озера... там, где возвышение, – уточнил он, реагируя на мимику Румана, – Где сосны к самой воде подходят...

Руман молча кивнул.

– Почти машинально я пытался примирить раздраз в душе при чтении эзотерического значения одного из арканов. И вдруг! – наверно, Вениамин Петрович слишком эмоционально выпалил это «вдруг». Михаил Моисеевич даже вздрогнул от неожиданности, – вдруг я увидел, что одна из ветвей сосны, что стояла ниже, почти у самой воды, засветилась ореолом фосфоресцирующего света, распространяя его повсюду. Я обвел взглядом перспективу озера. Все виделось как-то не так. Вроде бы так же, но все же не так. И тут до меня стало доходить... – голос Пекарика приобрел налет таинственности, – Все вокруг было мной: я чувствовал себя всем, что меня окружало. Ветка, на которую я вновь посмотрел, ощущалась не менее правдоподобно, чем собственная рука. Пульсациями проявлявшееся удивление, охватившее меня, переплеталось с волнами растущей эйфории. Они как будто ткали холст, на котором сознание рисовало невысказанные вопросы. И вот, достигнув какого-то предела, чувственность, если это состояние можно так охарактеризовать, отхлынула. Все вокруг стало, как и прежде. Но... – Пекарик в запале направил на Румана указательный палец, которым до того потирал нижнюю губу, – ...но в сознание пришла ясность. В нем появилась структура. Мое сознание стало кристаллом в том смысле, что в решетке его структуры все заняло подобающее ему место. Информационно-энергетический потенциал любого конструкта позволял ему находиться только в соответствующей ячейке появившейся системы, – Вениамин

Петрович остановился, переводя дыхание, – Миша, надеюсь тебе не скучно слушать мои воспоминания?

– Что ты? – искренне возмутился тот.

– Просто я думаю, – палец вернулся на прежнее место, – что без этого экскурса в прошлое будет совсем не то.

– Правильно думаешь. Мне очень интересно, Веня. Все это раньше я воспринимал поверхностно, как игры разума. И вот теперь, на фоне задуманного тобой эксперимента, начинаю видеть под другим углом. Не отвлекайся...

– Да в принципе, об этом больше и сказать нечего. Единственное, что можно добавить, что, наверное, с месяц, а то и больше, меня мучила эйфория. Ну, мучила – это, наверно, не совсем правильно сказано. Представляешь, – снова вдохновился Пекарик, – задаю себе вопрос, и как будто бы сам на него отвечаю. Иногда сразу, иногда через некоторое время. Но всегда получаю ответы на вопросы, которые годами носил в себе. А после ответа – волна эйфории накрывает. Первое время настолько сильно, что я даже не мог сдерживать слезы. Слава богу, это было летом, а не во время семестра, – улыбнулся он, – Повеселились бы студенты.

Оба рассмеялись.

– Все, Миш, хватит на сегодня рассказов, – бескомпромиссно заметил Пекарик, – Завтра лекции – и у тебя, и у меня.

– Ладно, – по своему понял Михаил Моисеевич, – Придется довольствоваться кофе. А вот от вопросов моих тебе

не уйти. Пару-тройку я уже держу в уме...

И еще около часа они беседовали. Оба давно не получали такого удовольствия от общения. Михаил Моисеевич радовался, как ребенок, что ему доверили тайну, важность которой он уже начинал понимать. А Пекарик был доволен, что, наконец-то открылся миру – пусть даже и в лице старого друга.

«Странно, – думал Руман, спускаясь на свой этаж, – казалось бы, я должен завидовать ему... такое открытие! – его сознание несколько вибрировало, – Это же не просто какая-то Нобелевская премия. Это же – весь мир у ног. А зависти... ни грамма».

6.

На первый час Дарский, естественно, опоздал. Заходить не стал: декан не любил подобной бестактности. Предупреждал, что первые пять минут он еще приемлет вхождение опоздавших. Но не более того. «Ждите, – говорил, – до следующего часа. Не уважаете себя, к другим отнеситесь с уважением, – и добавлял, – Хотя человек, не уважающий себя, уважать других не может по определению, ибо сие чувство ему попросту не знакомо».

Не сказать, чтобы декан был занудой, но иногда его прорывало. Александр, правда, этого особо не замечал. Может, потому, что Вениамин Петрович ему нравился. Он даже вче-

ра курсовую у него взял завершающую, чтобы потом попроситься к профессору Пекарику на диплом. Но многие студенты именно так и думали. Особенно те, с которыми у декана возникали трения административного характера. Он студентов защищал по возможности перед ректоратом, но не упускал случая использовать промахи в воспитательных целях, не называя, правда, при этом имен. Но, как говорится, на вору и шапка горит.

В начале второго часа, как всегда, профессор перебрался несколькими фразами со старостами по поводу отсутствующих и продолжил.

– Для свободных художников сообщаю, – при этом посмотрел Дарскому в глаза, – что сегодняшняя тема, которую мы разобрали на первом часу, достаточно проста для понимания. С ней разберетесь сами. Почти во всех учебниках – тех авторов, которых я дал – эта тема освещена фактически одинаково. Никто из ученых за полтора почти столетия ничего нового не сказал. А посему второй час я хочу посвятить теме, впервые в психологии очень громко заявленной Фрейдом. Мы это прошли с вами на младших курсах. Этот наш разговор будет носить факультативный характер. Но завожу я его в преддверии будущей – очень сложной темы. Надеюсь, это поможет понять суть человеческой психики под несколько иным углом зрения. Такого ни в одном учебнике вы не найдете, и даже в моих научных работах и монографиях. К тому же мне хотелось бы узнать, насколько это вам по-

кажется интересным. В перспективе, если наберется достаточное количество любознательных, можно будет состряпать и факультатив... – декан замолчал. Обвел аудиторию глазами и улыбнулся, – Речь пойдет о человеческом целом. Может, есть желающие напомнить нам – как Фрейд структурировал психику?

В первых рядах появилось несколько рук

– Да-а! Ладно – спишем это на скромность. Ну... вот вы, молодой человек, – обратился он к бледному очкарику из первого ряда.

– Зигмунд Фрейд... – начал тот.

– Представьте, пожалуйста, и продолжайте.

– Андрей Климович... Фрейд делил психику на Идо, Эго и Сверх Я. Если нужен развернутый ответ...

– Нет, спасибо, – остановил его Пекарик, – Я думаю, уже все вспомнили пройденный материал. Итак, что мы имеем? Мы имеем понимание того, что наша психика по Фрейду является бессознательным, сознанием и сверхсознанием. Древнее знание, представленное нам Каббалой, говорит почти о том же. Только более структурировано и конкретно. Может, кто-то знаком с Каббалой?

Поднялась масса рук.

– Неужели столько интересующихся? – усмехнулся профессор, – Только я имею в виду знакомство не с понятием «Каббала», а с ее учением... хотя бы принципиально.

Дарский продолжал держать руку. Впереди – он видел –

все опустили.

– Один? – в возгласе декана не было ни удивления, ни недовольства, – Ну что ж, и это неплохо: Каббала – дисциплина очень сложная. На ее постижение люди клали целые жизни, и до сих пор кладут. Понятие «кабала», в смысле кабальных условий жизни, происходит как раз от учения, называемого Каббалой. Выражение «попасть в кабалу» как раз и отражает трудность постижения этих знаний, – профессор что-то подсмотрел в своих записях и пошел к доске, – Так. Двигаемся дальше, – он взял мел и стал чертить на доске круги и линии. Студенты сидели тихо, заинтригованные чем-то непонятным, но, почему-то кажущимся очень значительным, – Что я изображаю, Дарский? – не поворачиваясь к аудитории спросил Пекарник.

– Дерево Жизни, Вениамин Петрович.

– И все? – Пекарник положил мел и отряхнул руку.

– Ну... могу сказать, что это многозначная схема. Если попытаться использовать язык космогонистов, она отражает миропорядок. Она же передает суть системы «человек» во всем ее многообразии, концептуально состоящей из личности, души и духа. Физическое тело человека, как мне кажется, соотносится с десятой сферой – Малкут, и входит в понятие личность...

– Спасибо, Александр, – остановил его Пекарник, – Если бы у нас был зачет по этой теме, я бы вам поставил его автоматом.

Студенты отреагировали на выступление коллеги и резюме преподавателя весьма эмоционально. Профессор замолчал – ждал, когда аудитория утихнет.

– Пошли дальше. Вот вам упрощенные параллели, – Пекарик показал рукой в сторону доски, – Очень упрощенные, – добавил он, улыбнувшись, – Личность Каббалы – Идо. Душа – Эго. Дух – Сверх Я, – он снова подошел к доске, – А есть еще один слой знаний – оккультный. Он говорит о существовании физического плана, астрального и ментального, и параллелях этих планов в человеке... – Вениамин Петрович посмотрел на часы, – Времени осталось мало, поэтому слушайте, не отвлекаясь, – он снова взял мел и быстро изобразил на левой стороне доски девять строчек – по три, с промежутками. А на правой – почти в том же порядке – семь, – Смотрите! Вот – физический план, – обвел Пекарик нижнюю троицу слева, – Вот – астрал, – среднюю, – А вот – ментал. Читаем...

менталь в ментале,
астраль в ментале,
отражение физического в ментале,

4. менталь в астрале,
5. астраль в астрале,
6. отражение физического в астрале,

отражение менталья в физическом,
отражение астралья в физическом,
физическое само по себе.

Однако, как излагается в одном из оккультных источников, из-за сложности постижения всех элементов шестым – астральным – чувством и невозможности все представить логически – четыре позиции в данном представлении становятся двумя. Из-за трудности освещения разницы отражения физического в астрале и астралья в физическом, а также отражения физического в ментале и менталья в физическом, тренированный адепт, практически различает только семь элементов, – профессор переместился к правой стороне доски, – А здесь мы видим уже вот что...

менталь в ментале,
астраль в ментале,
связь физического с ментальным,

менталь в астрале,
астраль в астрале,
связь физического с астральным,

физическое само по себе.

Он сделал паузу.

– Что касается двух выпавших элементов девятиричной схемы?.. – Пекарник повернулся к аудитории, – Полагаю, восьмой элемент – это железы внутренней секреции. Седьмой – нервная система во всех ее проявлениях. А шестой – система «чудесных меридианов» китайской традиции... это энергетические каналы эфирного тела, – уточнил он, – Скорее всего, шестой, седьмой и восьмой элементы девятиричной схемы – это отражение воплощенного – или другим языком прижизненного – единства физического и эфирного тел, известного оккультизму. При переходе к семиричной схеме они все вписываются в шестой элемент. Сюда входит центральный и периферический отделы нервной системы с головным и спинным мозгом, ретикулярной формацией, ганглиями, эфферентными и афферентными нервными волокнами разной чувствительности. Сюда же – железы внутренней и внешней секреции, которые также вписываются в шестой элемент, ибо нервная система и железы внутренней секреции, как вы должны уже знать, составляют систему нейрогуморальной регуляции. Что же касается шестого элемента девятиричной схемы – энергетических каналов эфирного тела, то это, скорее всего, отражение работы той же нейрогуморальной регуляции – через основные энергетические каналы в эфирном теле – Иду, Сушумну и Пингалу и преобразователи частот – чакры – в тонких телах... – Пекарник улыбнулся, окинув аудиторию взглядом. Картина впечатляла: в газах без пяти минут психологов сквозило недоумение.

То ли от концентрации не совсем осознаваемого материала. То ли от того, что услышать такое от профессора психологии – представителя академической науки, никогда не выходявшего за рамки учебного плана, было в диковинку, – Ну, на сегодня, пожалуй, все. Хотя самого важного сказать я не успел. В следующий раз, если получится... и если это вам, конечно, интересно... – он поднял руку, потому что студенты громко отреагировали на его слова, – Но хочу предупредить. Услышанное вами сегодня – лишь пища для размышлений. Все это за пределами академической науки, и не входит в предмет психологии. А потому прошу впредь не путать, и не использовать в рамках учебной программы. А по сему – вопрос: что же я хотел донести до вас непозволительной с точки зрения этой программы вольностью? Как думаете?

– Вы хотите расширить рамки нашего видения, – раздалось чье-то мнение.

Пекарик поднял руку, останавливая возможные реплики. – К следующему разу каждый из вас на листочке напишет свое мнение. Две-три фразы. Кстати, можно без имен. Но... – он снова улыбнулся, – но если мне понравится ваш, как вы выражаетесь, коммент, это может отразиться на моем отношении в конце сессии...

Прозвенел звонок.

Ощущение безысходности, какой-то интеллектуальной ограниченности, возникшее у Александра после неожиданной информационной вольности профессора, продолжало нарастать. Возник откуда-то вопрос – «почему?» Он стоял как бы особняком. Как бы вне досягаемости понимания. И в то же время поток сознания, текущий своим чередом по уготованным вселенной законам, периодически высвечивал его. «Я как будто потерял точку опоры, – пришла догадка, – И это странно, ведь в психологии я никогда ее не находил. И все же я не могу отрицать, что мое состояние – результат лекции профессора». Появился образ декана со спины, когда тот задавал вопрос. А вместе с ним – новое сомнение...

Мелькнувший в коридорной сумятице канареечного цвета свитерок на темноволосой фигурке, обновил чувства, заставив на время забыть о Пекарнике. Все, казалось бы, встало на свои места: иерархия небесная пронизавшая собой всю земную аморфность, начинала выстраивать только ей понятный порядок. Как будто океан души, который до этого крепко штормило, успокоился до состояния почти полного штиля, и солнце – горячее и ласковое, засверкало на его поверхности, поднимая зрительный порог до такого уровня, когда перестаешь видеть все неприятное. Умиротворенность и покой. И наслаждение этим покоем. Пусть ненадолго. Пусть всего лишь на мгновение: до того момента, когда заканчивается текущий цикл, чтобы перейти в следующий. До того самого момента, когда хочется сказать: остановись мгновение

– ты прекрасно. Но покой – лишь вершина – предел предыдущего напряжения: он приносит новое напряжение, которое стимулирует движение. Как следствие предыдущей причины преобразуется в новую причину, так и покой обращается в новый поиск покоя. Или чего-то такого, что, интегрируясь с тем, что есть, приносит кратковременное успокоение. А в итоге – «вечный бой», а «покой нам только снится». Александр снова ощутил напряжение, потому что снова вспомнил декана. И попытка уравновесить Леру всем тем, о чем тот говорил, стала осознаваться как полный бред: за гранью нормальности. В паузе между последней и еще не появившейся мыслью – где-то за пределами того, что воспринимается как поток сознания, – мелькнуло возмущенное «почему».

Подсознательное возмущение показалось яркой вспышкой, озарившей и то, что кажется рациональным сознанием, и то, что воспринимается как интуиция. Образ красивой жизнеутверждающей самочки в желтенькой курточке, коротенькой юбочке и черных ботфортиках на стройненьких точеных ножках взял верх: «Ну, разве можно спокойно думать о такой? Вот и весь секрет: мое подсознание постоянно держало руку на пульсе. А мне подспудно выдавало тревогу, – Александр улыбнулся, – Почему же тревогу? Волнение... волнение от предвкушения встречи. Как же все просто!»

Приятное ощущение, идущее снизу и сверху, интегрируясь где-то в районе груди, привело к легкой эйфории, рас-

пространяясь по всему телу. Заставило вибрировать каждую клеточку. Сознание по каким-то своим неисповедимым законам ассоциировало ее с образом матери, напомнив о родителях, уехавших в Мюнхен. Но оттолкнувшись от желтизны кленовых листьев на черном асфальте, сознание вновь нырнуло в омут эйфории.

9.

С тех пор как Пекарик стал деканом, Михаила Моисеевича постоянно мучил вопрос – почему он? Ведь шли на равных. И соревновательности никакой. Началось все с того, что старый ректор умер, и пришел новый. Поговаривали, что его, как слишком ретивого карьериста, чтобы не мутит воду, отправили в почетную ссылку. Первым, кто пострадал от ретиво взявшейся за дело «новой метлы», оказалась декан психологического факультета с «необоснованной и непонятной амбициозностью»: она как-то почти сразу оказалась неудобной. И после собеседования нескольких кандидатов с ректором, одним из которых оказался и Руман, деканом психологического факультета стал Вениамин Петрович. А Михаила Моисеевича сделали замом. Да и то благодаря Пекарику. А потому внутренний дискомфорт первое время редко покидал его сознание. Особенно когда эту тему по простоте своей затрагивала Розочка Аркадьевна. Она умела поддержать в трудную минуту. Да так, что после разговора с женой Михаил Моисеевич чувствовал себя не иначе как котом, нага-

дившим в отведенном для этого месте, за что его и гладят, и хвалят, учитывая, что при таком уровне сознания данное поведение достойно этих похвал.

Но вот вчера, а еще больше сегодня, когда пришло, наконец, осознание реальности происходившего, в нем вдруг на мгновение всколыхнулись запоздавшие чувства. «Что это? – думал Михаил Моисеевич, – Укол совести, подготавливаемый так долго, чтобы стало как можно более от чувства стыда перед другом детства, которого я, как Каин Авеля, готов был принести в жертву своим амбициям? Стыдно! – он даже почувствовал прилив крови к ушам, – Я считал, что не менее достоин этого места? Считал, что не глупее Веника? – он даже разозлился, машинально встал из-за стола и также машинально поднял руку и взглянул на часы, – Еще два часа выдержать... пора идти, а то детишки расшумятся, – он улыбнулся, наморщив при этом нос – надо же, назвал студентов детишками, – У них, у некоторых, свои уже дети есть». Михаил Моисеевич вздохнул, напорвшись вдруг на тему, которую тщательно старался вымарать в себе...

Роза родить не могла, а он ее любил, и потому, как горько поначалу не чувствовал отсутствие потомства, о том, чтобы бросить жену даже и мысли не возникало. Не из тех он, кто предает друзей потому, что они не во всем соответствуют его ожиданиям. А Розочка ему и друг, и жена, и любовница, а за это нужно платить. Вот он и платил невозможностью почувствовать себя отцом. А через это понимал, что его чувства –

это пыль по сравнению со страданиями любимой. Потому и любил еще больше, и жалел. Замкнутый круг...

Постояв несколько секунд перед аудиторией, он вошел.

– Добрый день, коллеги! – Михаил Моисеевич выждал несколько секунд, – На прошлой лекции мы с вами отметили основоположников гештальт-психологии...

Зашли и быстро присели недалеко от дверей еще двое студентов.

– Позволю себе цитату из книги одного из ярких представителей этого направления... Фрица Перлза... – Михаил Моисеевич остановился, внимательно окинув взглядом аудиторию. Достал листок и стал читать, – Любой разумный подход в психологии, не прячущийся за профессиональным жаргоном, должен быть понятен интеллигентному заинтересованному читателю и должен основываться на фактах человеческого поведения. Если это не так, с этим подходом в принципе что-то не в порядке. В конце концов, психология имеет дело с наиболее интересным для человека предметом. С нами самими и с нашими близкими.

Руман окинул взглядом аудиторию.

– Помните, в чем суть данного метода? Или подхода? В том, что факты восприятия приобретают определенное значение благодаря своей специфической организации. На прошлой лекции мы говорили о группе немецких психологов, работавших в области восприятия. Они обнаружили, что человек не воспринимает отдельные, не связанные между со-

бой элементы, а организует их в процессе восприятия в значимое целое. Он воспринимает все увиденное не как отдельные детали, а как некоторое единство, в котором один из элементов в определенный момент выделяется – становится так называемой фигурой, в то время как остальные составляют фон. Выбор фигуры среди других элементов определяется многими факторами человеческой психики, но основой этого выбора является интерес...

Он сел за стол и, предложив закончить пораньше – без перемены, стал машинально вычитывать лекцию. Сегодняшнее настроение совершенно не соответствовало творческим озарениям, а потому аудитория, прочувствовав ситуацию, перестала быть единым организмом.

За полчаса до конца пары Руман, взглянув на часы, повысил голос.

– Как и начинал, коллеги, я хочу нашу сегодняшнюю встречу завершить словами бесценного Фрица Перлза. Надеюсь, тот, кому на экзамене попадет гештальт-подход, вспомнит мое отношение к этому ученому, – Руман снисходительно улыбнулся, – Итак, гештальт – это паттерн, конфигурация, определенная форма организации индивидуальных частей, которая создает целостность. Основная предпосылка гештальт-психологии состоит в том, что человеческая природа организована в виде паттернов или целостностей, и только таким образом может быть воспринята и понята, – он поднял голову, – На этом все, коллеги. Соблюдайте, пожа-

луйста, тишину, когда покинете аудиторию. До свидания.

10.

На следующий день Александр все же позвонил. Борьба между «неудобно», о существовании которого по отношению к девушкам он никогда раньше не знал, и «надо» закончилась в пользу последнего. И не потому, что под это решение закладывался фундамент осмысленного волеизъявления. Это банальное следование судьбе. Это выше сил. Не позвонить он просто не мог. Другие варианты даже не рассматривались. Если бы, конечно, Господь дал ему более сильного «стража порога» – в виде не просто «неудобно», а «очень неудобно», тогда бы он просто чуть дольше раскачивался. И только. Ни о каком кардинальном противоположном решении не могло быть и речи. Но этого не произошло. А потому решение – позвонить – слишком большого сопротивления не встретило: капкан судьбы захлопнулся, цепко обняв жертву. И хоть голос ослабевшего инстинкта самосохранения пытался как-то докричаться до разума, инстинкт продолжения рода заглушил его напрочь.

До обеда между «неудобно» и «надо» шла легкая внутренняя пикировка. То – «еще рано». То – «перемена короткая». То – просто «позже». А потом понял – заврался.

Занятия закончились и толпа вывалившихся из аудиторий студентов более-менее рассосалась, протопав дружно по коридорам. Уже даже телефон в руке. Но захотелось совсем

уединиться. Осмотревшись по сторонам, Александр прошел по коридору в сторону деканата, где, казалось, никого нет. Но тут же напоролся на вышедшего навстречу из открывшихся вдруг дверей профессора Пекарика. Сразу же вспомнил о курсовой.

– Прошу прощения, Вениамин Петрович...

– Да. Слушаю вас, Дарский, – профессор почему-то улыбнулся, будто знал, о чем пойдет речь.

– Я хочу взять у вас тему курсовой по супервизии, если можно, конечно.

– Вам можно, – снова улыбнулся Пекарик, – У вас все ко мне?

– Да, все, Вениамин Петрович.

– Литература на кафедре. Предварительно пообщайтесь с Еленой Дмитриевной: она будет методистом по моим темам. Ну а появится ощущение, что готовы к моим консультациям, милости прошу.

– Спасибо, Вениамин Петрович.

И вот все позади. Номер набран. Гудки, уже начавшие обратный отсчет, ласкают и тревожно заволакивают душу. Один. Два. Три... пять... восемь, и сбой. Неудовлетворенность, смешиваясь с облегчением, вызвала к жизни сложное чувство, требующее набрать номер еще раз. Он так и сделал. И снова впустую. Ощущение, что его игнорируют, успело появиться прежде, чем пришло понимание, что его номера в записной книжке Лериного телефона просто не существо-

ет. «Опять гордыня! – по венам растеклась досада, – Может, просто занята? Или, телефон не рядом? Да мало ли что... – досада принесла чувство неловкости по отношению к человеку, который ни сном, ни духом не ведает, что на него могли обидеться, – И, главное, за что? За то, что в нужный момент под рукой не оказалась?» Александр, ввязавшись в отношения, о которых знал пока только он сам, уже начинал сдавать позиции. А ведь, казалось бы, выучил не единожды предлагаемый жизнью урок – не отзываться о людях негативно и ни в коем случае не обижаться. Чтобы потом не появилось чувство вины. Чтобы не стать потом из-за этого беззащитным и уязвимым. Пусть и ненадолго. Но достаточно, чтобы узнать поражение.

Размышления несколько успокоили. И он решил повторить попытку. Гудки снова зашекетали душу.

– Алё? – калейдоскоп чувств, ворвавшийся в душу тембром долгожданного голоса, наполнял ее оттенками всех цветов радуги. Подсознание автоматически настраивало свое состояние в унисон чувствам далекой, ставшей вдруг близкой женщины. Проникало в ее внутренний мир, чтобы раствориться в нем и познать иллюзию единства противоположностей. Голос Леры, мягкий и вкрадчивый, с легкой и почти незаметной хрипотцой, казалось, ничуть не искажался динамиком – будто она была рядом, – Але? Говорите. Я вас слушаю, – настаивала она.

– Привет! Лера, это... Александр.

– Какой Александр? – тембр стал заметно жестче.

«Уже не помнит... – мелькнуло, – вчера же только...»

– Вчерашний, – не замедлило сморозить, машинально подхватив последнюю мысль, сознание. Стало ужасно неудобно за оговорку, – Ты меня вчера...

– А-а, Саша? БМВ? – догадалась Лера.

– Да, – обрадовался он, – Точно.

– Я очень рада тебе... – в голосе чувствовалась искренность, – но... извини, пожалуйста, мне сейчас должен звонить клиент. Сам понимаешь, это – святое. Я тебе обязательно перезвоню, Саша.

Короткие гудки отрезвили ум, проросли в нем сомнением. Надежда на какую-то долю секунды потерялась в закоулках психики. Но эхом отразившийся в ней голос Леры, повторяя ее интонацию, почти сразу же вернул надежду на место. Она, разрастаясь, заполнила все внутреннее пространство сознания великолепием существа женской природы. «Ведь вся-то суть любви – в ее ожидании! – осенило вдруг Александра. Пришло понимание, что миллионы мужчин до него уже постигали суть этого чуда, – Надежда, подаренная или не подаренная женщиной: именно она делает нас гениями или злодеями. Она строит города и страны или разрушает их, не оставляя камня на камне, на протяжении всей человеческой истории. Она создает шедевры искусства и шокирует мерзостью извращенной фантазии... – он вдруг незримо увидел себя со стороны, – Эка, меня понесло... философ, блин».

Совершенно на автопилоте он доехал до начала улочки, которая до сих пор почему-то носила имя Карла Маркса. Стилизованная деталями экстерьера прошедшего века, изобилующая реставрированными невысокими домиками улица была воплощением обывательского уюта: первые этажи в основном – магазинчики и вычурные заведения общепита. Идиллическую картину городского пейзажа девятнадцатого века портили только асфальт и современные автомобили.

Александр не стал испытывать судьбу – искать парковку ближе к ресторанчику, в котором периодически обедал, увидев свободное место в «елочке», чтобы потом не пришлось наворачивать круги в поисках места. Отсюда ему понадобилось пройти еще метров пятьдесят и перейти на другую сторону, ощутив пронзительный холодный ветерок, который все же не успел испортить ощущения от комфорта, оставшегося от салона автомобиля. На переходе он, правда, чуть не попал под колеса серого «опеля»: дернулся на автопилоте за парнем, перебежавшим на красный. Слава богу, транспорт здесь быстро двигаться не может: обошлось.

А вот и подвальчик. У входа знакомый рекламный щит – раздвижной: в виде настольного календарика. Черный, в завитушках кованого металла, исписанный мелом, он сообщал о сегодняшних ценах на блюда. «Равиоли, барбекю, стейк свиной... из курицы, жульен», – Дарского всегда поражала незатейливость ума местных рестораторов или их подопеч-

ных, попугайничавших друг у друга. Ум психолога хотел понять причины. Что это? Пошлость, таившаяся в отсутствии достаточного образования? Результат воспитания, подчеркивавший неполноценность, и, как результат, тягу к заимствованию – и в частности, к иностранщине? Попытка использовать эффект плацебо? Но самое невероятное, а, может, наоборот, самое вероятное предположение, возникавшее в сознании, намекало на извечную тягу к прекрасному. Он усмехнулся: «А что есть прекрасное в нашем понимании? Такой, казалось бы, простой вопрос. Но ответ? Либо это на самом деле прекрасное, воплощающее принцип динамического равновесия, принцип гармонии золотого сечения? Либо... это – мечта, – поразился простоте ответа, пришедшего таким неожиданным откровением, – Так, значит, утилитарные вещи – простую нашу жратву – нам подают под соусом «мечта»?» Усмехнулся, потянул на себя тяжелую деревянную дверь, вошел в низкое с приглушенным светом помещение и снова усмехнулся, но уже по другому поводу – гримасе наголо выбритого накачанного парня в униформе.

– Привет, Вадим, – бросил дружелюбно.

– Привет, – не отвечая на улыбку, кисло ответил тот.

Это еще больше развеселило Дарского. На «секьюрити», как было написано на бейдже под именем «Вадим», красовался теперь пиджак. Вместо обычных – джемпера с водолазкой. Костюм, белая рубашка и галстук существовали как бы вне того, на ком были надеты – сами по себе. Вспомнилось

из детства: соседская девочка накладывает бумажное платье на такую же – из бумаги – куклу. Он никогда не вспоминал ни о ней, ни о ее примитивной игрушке. А вот сейчас вдруг вспомнил.

– Ты чего грустишь? – обратился к охраннику, – Смотрю – у вас нововведение? Костюмчиком тебя работодатель решила облагородить?

– Вот именно, – буркнул Вадим, – Зато теперь всем, кто меня раньше видел без него, весело. Я теперь вроде клоуна...

– Да брось ты, – улыбнулся Дарский, пытаясь сделать это правильно, – Шикарно выглядишь.

– Вот-вот! – с какой-то скрытой обидой в голосе воскликнул секьюрити, – И ты туда же.

«Блин, красавица писанная, – подумал Александр, – Пока никого нет в вестибюле, небось, еще и перед зеркалом крутишься».

– Да ладно тебе, Вадим. Забей ты... слушай, кто сегодня в моем углу? Катя или Таня?

– Сегодня? Катюшкина смена, – его лицо заметно смягчилось.

– Спасибо, друг, – Александр потрепал его по плечу, как бы выражая свое участие в его горемычной судьбе, – Пошел я.

– Давай, – как будто разрешил Вадим.

Сняв куртку, Дарский повесил ее здесь же – на вешалку, стоявшую чуть в стороне от стола. К нему уже спешило юное создание. Темноволосое. В веснушках. По нежной характеристике Вадима – Катюшка. Белая распахнутая вверху блузка с бейджем «Катя», черная облегающая пропорциональные формы юбка, блокнотик с ручкой, кожаная с тиснением, оттененным золотистой патиной, папочка и красивый пурпурный «коготочек» большого пальчика Катюшки на ней – все это в одно мгновение уловило сознание Александра.

– Добрый день. Давно вы к нам не заглядывали, – улыбнулась девушка, – Будете готовы сделать заказ, зовите, – сказала. И, словно бы нехотя, отошла к барной стойке.

«Вот он – доморощенный психолог, – улыбнулся Александр в ответ, – Небось, рассчитывает... – что-то неприятно шевельнулось в груди, – А может, я ей нравлюсь? Тоже ведь вариант». Девушка стояла недалеко – открытая и беззащитная. Что-то детское сквозило в чертах ее лица, в притягательной улыбке. «Вот оно – коварство самки, – неожиданно констатировало сознание, – коварство самой природы, зазывающей в сети жертвенности». Неприятное чувство, только что готовое исчезнуть, вернулось. Но за ним, почти сразу же, возник сателлит – отрезвляющее чувство вины. Стало стыдно за пошлые мысли относительно девушки. Стыдно оттого, что возвысился незаслуженно над ее женской природой, над ее социальным положением. Оттого, что просто плохо думал о ней. Восставшая из душевного огня совесть

реализовала свое право казнить – право на возрождение и продолжение жизни. Александр на мгновение выпал из этого времени и этого пространства. На мгновение, показавшееся вечностью...

«Чем я лучше этого по-детски милого создания? Тем, что у меня между ног? Тем, что я уже почти дипломированный психолог? Или что у меня есть квартира и машина? Возможность жрать в ресторанах? А, может, тем, что мне достались такие родители, которые мне все это обеспечили? – совесть торжествовала, – Вот-вот – слава богу, что ко всему прочему, хоть немного снабдили совестью...»

Он, наконец, опомнился и показал девушке, что готов. Приятные чувства к маме, к отцу волнами согревающей энергии прошли по телу. Заставили сглотнуть ком в горле: «Надо бы...»

– Слушаю вас? – во взгляде Катюшки сквозила не театральная искренность, которую вряд ли она при своей непосредственности могла сыграть, – Вам, как всегда... или...

– Что? А... да, Катюша, – спохватился, – Мне, как всегда... если помнишь, – добавил он, спохватившись, будто ему делали снисхождение, и в этом случае ожидали благодарности.

– Значит, кофе сразу? – улыбнулась она, поняв его состояние, и он кивнул утвердительно. И хоть не ушло еще чувство неудобства, стало приятно: она помнит, что он заказывает. И при этом не возникло циничного комментария. Зато

возник другой, связанный с тем, что «пробило на чувства», когда Катя повернулась и, покачивая бедрами, пошла. В сознание тут же ворвалась догадка: подсознание, в чьем ведении лишь категории «приятно» и «неприятно», отождествило Леру и Катю. «Вот это да! – восторженно воскликнул Дарский, – Вот это параллели. Скажи кому – либо засмеют, либо дурачком окрестят. Вот тебе и полигамия. С подсознанием шутки не проходят, однако», – усмехнулся.

Катя принесла кофе. Поставила остороженько. Аккуратненько придвинула.

– Спасибо, Катюша.

– На здоровье... позовете, когда будете готовы, – прощепетала она.

– Хорошо, – улыбнулся Александр, провожая ее взглядом.

Кофе он выпил быстро. Потом ел почти машинально. Думал. Развивал мысль, неожиданно пришедшую в порыве отражения чувств от Леры к Кате. Размышлял над тем, почему его отношение к ней изменилось столь странным образом – кардинально – сквозь призму чувств к Лере. Может, потому что он думал о Лере: почему она не звонила? И, что тоже странно, напряжение, подогреваемое присутствием Кати не росло. Оно было. Но находилось в состоянии стагнации. Ни жарко и ни холодно. Привычка цинично, и по-мужски грубо, оценивать действительность, вытаскивала из памяти пошлый, но жизнеутверждающий каламбур: за неимением графини имеют горничную. Александр посмотрел на Катю – на

ее позу, в которой чувствовалась такая наивность, такая незащищенность перед внешним миром, отчего снова шевельнулась совесть. Но на этот раз как-то по-матерински продолжила свое терапевтическое воздействие. То ли от жизнеутверждающей фразы, объясняющей суть выживания природы, то ли от полноты желудка.

В этот день Лера так и не позвонила, сделав к ночи первую зарубку на сердце Дарского.

12.

На следующий день, придя на работу на час раньше, как просил Пекарик, Михаил Моисеевич вошел в приемную и остановился: дверь в кабинет декана почему-то оказалась открытой. Потерявшиеся в пространстве звуки шагов и скрип половиц старого паркета сменила тишина. «Должно быть, еще не пришел», – он заглянул в проем.

Пекарик сидел в кресле, задумавшись, или дремал – сказать трудно, но на Румана не отреагировал. Михаил Моисеевич присмотрелся: кожа на лице друга как-то странно разглажена – она словно окаменела.

Михаил Моисеевич кашлянул. Реакции не последовало. Тогда он кашлянул громче. То же самое.

– Веня! – прикоснулся, подойдя почти вплотную, к плечу. Рука, полулежавшая на груди, стала сползать на колени. Руман в замешательстве отпрянул: по голове и спине прошел озноб, – Веня, не пугай меня! – спонтанно сорвалось

с языка. Глаза уже присматривались к чертам лица. К позе. Рукам. Хаотично искали малейшее движение – хоть какой-то его признак жизни. Но не находили. Душу стали заполнять понимание момента истины и страх надвигающихся перемен, замешанный на откуда-то пришедшей мысли, что свято место пусто не бывает. Потом пришла мысль о машинальном поведении собственного туловища. Она появилась тогда, когда собственная рука искала пульс в руке товарища. Потом он почувствовал легкое ощущение радости. Понял – откуда это. Наконец, пришло осознание. Пульс! Он был слаб, но четок с точки зрения ритма. «Слава богу! Жив! – первое, что пришло в голову, – Сердце?»

– Веня! – Михаил Моисеевич осторожно похлопал друга по щекам. Реакции не последовало. Пришла мысль о «скорой». Он схватил с телефонного аппарата, стоявшего на столе, трубку, и успел набрать номер, когда услышал тихое:

– Миша, я уже здесь. Не звони – не надо.

– Как не надо? – вбирая в себя гудки, возразил, отвернувшись Михаил Моисеевич, словно Пекарик ему мешал. Но за спиной послышалось:

– Я говорю – не надо! – Руман уловил в голосе уверенность и безапелляционность. Обернулся. Увидел на лице друга натянутую улыбку, которую излучали умные, не затуманенные болью глаза – то, что он ожидал увидеть, напуганный мыслью об инфаркте, – Миша! – Вениамин Петрович умилился лицом товарища: испуг, тревога, непонима-

ние. Все говорило о полной его озадаченности, – Я тебе сейчас все...

– Ну, уж потрудись! – серьезно, с тенью обиды прервал его Руман. В нем все говорило о том, что ответ должен быть сейчас и только сейчас, иначе из ступора, в котором он оказался, его ничего больше не выведет.

– Миша, это трансовое состояние, – Вениамин Петрович уже не рад был, что показал ему эту часть эксперимента таким образом, – Я что – зря тебе обо всем этом рассказывал позавчера? – он избрал лучший способ защиты, – Честно говоря, думал, что ты поймешь, когда увидишь. Все, Мишель! – он пощелкал пальцами перед его глазами, – Пора! И давай без обид.

На несколько секунд установилась гнетущая тишина.

– Я вот зачем пригласил тебя, – продолжил он после паузы, – Если помнишь, я говорил о людях, которые могли бы стать потенциальными донорами. Но ты представляешь, Миша, что это такое?.. да знаю, – Вениамин Петрович увидел мысль в глазах товарища, – Если объявить об эксперименте, желающие войти в историю найдутся – дураков в этой жизни хватает. Таким любую идею подавай: главное, чтобы смерть на миру – геройская. Но ты же понимаешь, что рисковать мы не имеем права. Это одно. А другое – как бы это пафосно не звучало – рановато, думаю, человечеству знать о таком. Хотя сомнений – через край: мне-то, почему-то, открылось. А я что – не человечество? Вот-вот... – ответил он еле уло-

вимогу движению плеч Румана, – понимаю тебя – господом Богом возомнил себя Пекарник?

– Да-а, – промычал Михаил Моисеевич, – Альтернативка хоть куда.

– Любопытство, Миша... – как будто не услышав реплики, продолжал Пекарник, – О-о, ты даже не представляешь, как оно меня распирает! Фу-ух! – выдохнул он, – Вот, тебе и пожалуйста: вроде, все у меня есть для эксперимента, а тела-то нет, в которое я мог бы перейти. А значит, у меня ничего нет, – он снова вздохнул, – потому что пойти на убийство сейчас, даже ради такого эксперимента, я не готов. Хотя понимаю, что открытия, как правило, без жертв не обходятся. Искать же донора втихаря, полагаясь на случай, бесполезно.

Вениамин Петрович задумался. Его отрешенный взгляд говорил, что он не здесь. А через несколько секунд он вообще закрыл глаза. И, было видно, расслабился. «Неужели опять ушел?» – Михаил Моисеевич кашлянул привычно, пытаясь привлечь внимание, но тут же испугался, уже не понимая, как себя в данной ситуации вести: разговор об убийстве никак не мог прорасти в его сознании.

– Так вот, Миша, – неожиданно продолжил Вениамин Петрович, – Конечно же, даже на не банальное убийство... даже ради науки... мы на это не пойдем. По крайней мере, сейчас, – добавил, будто спохватившись.

От последней фразы кровь в жилах Румана точно застыла. «Уби-ийство? Не-ет!» На такое он не подпишется ни за

какие коврижки.

Пекарик увидел, как взор Михаила Моисеевича потух и стал похож на взгляд зверька, собравшегося шмыгнуть в норку. Не смог удержаться – рассмеялся. Вспомнил, как однажды в детстве кто-то из старших посмеялся «каламбуристо» над Руманом – назвал его за что-то пленным румыном.

– Моисеич, ты чо – струхнул?.. – Вениамин Петрович опять засмеялся, – Успокойся, дорогой мой! Никакого криминала. Все цивильно.

– Ну, ты даешь! – Михаил Моисеевич подал, наконец, после нелепого молчания голос, – Это – без меня!

– Да ладно. Праведника из себя корчишь. А то я тебя первый раз вижу.

– Праведник – не праведник... но убийство...

– Да очнись, ты, Миша, – стал серьезным Вениамин Петрович, – Узнаешь все – по-другому заговоришь. С сегодняшнего дня я начинаю тебя готовить к эксперименту. Ну, а если серьезно, конечно, никакого убийства. Я знаю: пусть через год, через два, но шанс у нас совершить открытие будет. Я все продумал, Миша, за исключением нюансов, по которым ты мне, брат, и нужен. Без тебя я – ничто.

У Михаила Моисеевича даже настроение изменилось от подобных слов. Какое-то забытое ощущение в груди появилось: что-то – из юности, когда единение душ казалось таким естественным компонентом дружбы

В приемной слышались шаги и скрип дверцы платяного

шкафа: пришла Леночка

– Ну, что ты на это скажешь, Михаил Моисеевич

– А что можно сказать начальству? – улыбнулся тот, и чувствовалось – без подвоха, – Я готов.

13.

На следующее утро совершенно беспардонно в половине седьмого позвонили. Не поднимая головы от подушки, не проснувшись даже, Дарский автоматически протянул руку и сгреб с тумбочки трубку.

– Да... слушаю... – не то прошептал, не то проговорил навстречу неизвестности.

– Саша, доброе утро, – негромкий обворожительный Лерин голос поднял планку восприятия действительности. Грудные обертоны обворожительного женского голоса вызвали в клетках тела мечтательную истому, еще не вполне контролируемую наполовину проснувшимся мозгом. И клетки стали вибрировать, вызывая вселенскую тоску одиночества – утреннюю пытку для молодого, стремящегося к воспроизводству организма.

– Доброе утро, Лера... – за окном на соседнем доме в полутьме осеннего утра вспыхнула реклама кока-колы в виде дорожного знака, окрещенного водителями кирпичом. На секунду он даже отвлекся: будто увидел впервые.

– Алё? Ты что, не рад мне? – Лера, чувствовалось, не привыкла к такой реакции на ее особу.

– Лера – ты что? Я очень рад тебе, просто я еще не проснулся толком, – Александр смотрел на рекламу и удивлялся – как мог не замечать этого раньше. В красном круге – в центре – бутылка кока-колы, лежащая поперек. Проезд запрещен! Дальше нельзя! Остановись! И скорей сюда – к нам. В сознание вплыл образ Михаила Задорнова с его неизменным комментарием о тупых американцах. «Конечно, – обрадовался, – все для тупых американских школьников, как один знающих правила дорожного движения».

– Саша, я должна извиниться перед тобой. Забегалась вчера. Вспомнила поздно, поэтому звонить не стала.

«Эти два слова – «тупые» и «американцы» – благодаря Задорнову стали уже – не разлей вода. Молодцы кокакокольцы! Профи! Как четко обыграли «кирпич» на уровне подсознания» – снова отреагировало сознание.

– Да ладно. Не страшно, – барашком, готовым к закланию, проблеял Дарский.

– Ты вчера звонил – что-то хотел?

– Да, в общем-то, нет. Хотя – да! – спохватился, – Хотел!

– Ну, так не томи – говори.

– Может, мы встретились бы как-нибудь за рюмочкой кофе? Поболтали?

– Да не вопрос, Саша, – без малейшей паузы согласилась Лера, как будто только что сама хотела это предложить, – Когда и где?

Ожидаемый, но такой неожиданный пассаж на мгновение

выбил Дарского из колеи логики.

– Ну... – он замялся.

– Ну, вот. Как конкретно – так сразу в кусты? – Лера засмеялась.

– Ты меня смутила скоростью, – усмехнулся сконфуженно Дарский, – До обеда я точно не смогу. У меня сегодня преподы безбашенные: не придешь на занятия – или отработка, или потом на сессии гнобить будут.

– А я что, говорю, что прямо сейчас? Меня после обеда тоже больше устроит. Саш, а давай где-нибудь ближе к четверем, – безапелляционно заявила Лера.

– Давай, – согласился Александр, – А где?

– Я позвоню тебе, как освобожусь. Тогда и решим, – оставила Лера за собой последнее слово.

Это и понравилось Дарскому, и не понравилось одновременно. Активность девушки как залог приятных неожиданностей с точки зрения будущей близости его очень даже устраивала. А вот подсознание почему-то возмутилось: видимо, миллиарды лет развития этого первичного уровня сознания – где-то в примитивной глубине – бунтовали. Его мужской природе это казалось неестественным. Активное начало встречалось с таким же – активным. Возникало противоречие. В этой глубине появилась двойственность, требующая развязки. Двойственность взывала к интеграции, на худой конец – к нейтрализации, к уничтожению себя самое, не в силах терпеть напряжение. Инстинкт продолжения рода

говорил – перед тобой самка. А подсознание никак не могло понять – с кем имеет дело. Активная позиция женщины вводила его в заблуждение, предлагая роль ведомого? На место в иерархии, уготованное по праву развития, кто-то претендовал. «А по праву ли?» – пришла разумная, но запоздавшая мысль, когда уже нейрогуморальная система возмутила кровь. Ее секрет, распространившийся по артериям и венам, уже сделал свое дело, растворив ложку дегтя в бочке еще только-только зарождавшихся сладких отношений.

Он быстро позавтракал и сбежал по лестнице во двор. Чуть не растянулся на крыльце, поскользнувшись на остекленевшей поверхности. Дождевой пыли, вызвавшей благодаря минусовой температуре такие метаморфозы, уже почти не было, лишь деревья, с ветками в тонком хрустальном обрамлении, говорили о ней. Все смотрелось сюрреалистично в бардово-фиолетовых сумерках начинавшегося утра, где даже проезжая часть, обработанная химреагентами, предстала в таинственном для глаз виде.

Через несколько минут после того, как «бэха» сбросила обороты разогрева, к лобовому стеклу устремился теплеющий воздух, и ледяная корка под скребком стала податливой.

Выезжая со двора, Александр газанул и тут же притормозил перед выездом – проверил сцепление колес с обледеневшим, казалось, асфальтом. Все оказалось нормально.

В университете и лекция декана, и два практических занятия – все тянулось, как никогда. На втором лекционном

часу, правда, профессор продолжил сравнительный анализ человеческой психики. Ту тему, что начал на предыдущем занятии. Александр даже увлекся, потеряв на какое-то время интерес к предстоящей встрече с Лерой: поймал себя на мысли, что все аспекты теории, подаваемой профессором, вся терминология – все ему почему-то знакомо. Как будто все это он уже проживал, и у него дежавю. А еще – было ощущение, что все, о чем говорилось, каким-то боком касалось его. Как будто декан сообщал это именно ему. Говорил только для него. А вся остальная аудитория – так – фон, декорация. «Прямо волшебство какое-то», – удивился.

На этот раз профессор коснулся инстинктивности и интуитивности. Четко провел анализ, разграничив их. Показал суть работы низшего и высшего центров сознания в рамках взаимодействия трех планов бытия, отраженных в целом человеческой психики. Как «животное» и «божественное» противостоят друг другу в среднем ее отделе. Два состояния сознания, взаимодействуя, дают – в соответствии со средой обитания и окружением – человеческое представление в каждый отдельный момент времени жизни. В разных соотношениях. Александр поразился, услышав поначалу не совсем понятный, впечатавшийся в память тезис, похожий по своей сути на каламбур. С него профессор начал: «Инстинктивность – это проявление интуитивности на нижнем уровне сознания. Интуитивность же – проявление инстинктивности на высшем». Не успел он «прожевать» это, как Пе-

карик спросил:

– Что это означает? Есть у кого-то предположения? Мысли, может, какие-то возникли? Не стесняйтесь, – он улыбнулся, – Вы же знаете – за промахи я не наказываю: научная мысль должна быть выверена.

Что-то шевельнулось в голове Дарского. Но такое смутное. Бессловесное.

Пауза продолжилась недолго. Желающих заработать очко у декана не оказалось.

– Ну что ж – понимаю. Тема архи сложная. Особенно с позиций официальной науки, ставящей во главу угла эмпирическое и рационально-эмпирическое постижение действительности. Как будто то, чего нельзя пощупать или осознать проективно, фигурально выражаясь, существовать не может. Нет эксперимента – нет явления. Но все гораздо проще, чем кажется. Вот смотрите! Инстинктивность – я имею в виду, прежде всего, врожденную, безусловную рефлекторность – это закрепленные генетически удачные находки природы, дающие возможность функционирования физического тела человека даже в тот период, когда сознание еще не сформировано. То есть, инстинктивность – это, если можно так сказать, воплощенная материально интуиция земной природы, делегированная ей через функцию эволюционного развития снизу. И кстати – которую Вселенная, как высшее проявление интуитивного, космического сознания, ни на мгновение не оставляет без присмотра, контролируя эту

самую природу и ее эволюцию... сверху, – добавил он, после чего на несколько секунд замолчал, разглядывая аудиторию, словно сомневаясь – правильно ли поступает.

И вот здесь, – продолжил профессор, – хотелось бы, как безусловную, так и условную рефлекторность нижнего уровня психики ввести в понятие «инстинктивность», ибо для нее созданы предпосылки – три базовых инстинкта, подразумевающих выживание: индивида, рода и вида. И с точки зрения принципиальной работы данных центров для любого организма это рамки совершенства функции...

Пекарик вдруг замолчал, снова осмотрев аудиторию. Дарский машинально оглянулся и по глазам понял, что у большинства его коллег «поплыли мозги».

– Та-ак! Хорошо! – снова улыбнулся декан, – Тогда попробуем по-другому. Что я имел в виду? Что функция любого органа ограничена. Возьмите, например, руку или ногу. Как бы вы ни старались, но вы не можете их разогнуть больше того, что вам дано, не повредив. Это условия нашего существования, где необходимы опорные точки, создающие ориентиры в пространстве. А иначе – зачем нам скелет?

Аудитория несколько оживилась.

– Взаимодействие инстинктивности и интуитивности, дающее нам максимально комфортабельные, если так можно сказать, условия выживания, человечество заметило давно. Очень хорошо данное явление символически передает шестиугольная звезда Давида. Интуитивность, то есть опыт, ко-

торый приходит с количеством повторений удач и неудач, создает инстинктивное постижение действительности и его усовершенствование уже на высшем уровне психики. Помните феномен «маугли» и то, что человек – продукт социума гораздо в большей степени, чем природы. Вы же не будете спорить, что принятие решения взрослым человеком и ребенком будет различаться? Или решение профессионала и любителя? Или – если не совсем тактично выразиться – умного человека и глупого?

Послышались неуверенные реплики.

– Все, господа. На сегодня, что хотел я вам сказал. Остальное – в следующий раз. Жаль, не было времени просмотреть ваши письменные экзерсисы по поводу прошлой моей вольности – отойти от учебного плана, дать вам для осмысления не научный, в кавычках, взгляд, существовавший задолго до появления и развития нашей нынешней цивилизации.

Последние слова профессор договаривал под аккомпанемент звонка.

14.

Проходя мимо декана, Дарский к удивлению своему почувствовал, что хочет повернуть в его сторону голову. Снова появилось ощущение волшебства: Пекарик как будто заполнял его собой, невидимо распространяясь на всю аудиторию. И он обернулся.

Профессор, чуть улыбаясь, взирал на него с высоты ака-

демической кафедры. Именно взирал: было ощущение, что декан просматривает его насквозь. Или, точнее, сканирует. Просвечивает. Стало ужасно неприятно. Даже отвратительно. Будто тебя выворачивают наизнанку. И при этом делают укол попеременно в каждую клеточку открывающихся внутренностей. «Жалкое зрелище», – отметило униженное собственным ничтожеством сознание. Что-то блеснуло в глазах профессора, заставив внутренне содрогнуться и, наконец, придти в себя. Первое, что почувствовал, это стыд за то, в каком униженном состоянии только что находился. Стыд за раболепие, возникшее по чьей-то воле, которую ощутил на себе. Как будто генетически впечатанная память веков и тысячелетий, выстраивая вслед за иерархией стаи и стада иерархию социума, заранее определяла ему соответствующую нишу в нем. Вся его суть от такого откровения психики содрогнулась. «Неужели все так просто? И мой ум, моя воля... ничего не значат? Моя личность... тоже ничего не значит? А значит... – сознание чуть не захлебнулось от догадки, от нахлынувших чувств, – только то, что я есть?»

И сразу же вспомнилось «Я Есмь» Христа из Евангелий, которые он как-то из любопытства пролистал.

«Вот оно – Сущий во мне. Я в Боге – во Вселенной, и Бог во мне – его тонкие структуры и частичка – дух, обросшая и моим умом, и моей волей, и личностью. И все это соответствует той сути, которая и есть мое изначальное «я». Я Есмь. Во мне столько Бога, сколько я его заслуживаю. И соответ-

ственно этому во мне все остальное»...

Профессор так смотрел на него, как будто это он только что, просканировав содержимое «Александр Дарский», ввел в него некий сгусток знаний, взорвавший изнутри, поразив плотностью и скоростью частоты вибраций входящей информации. И пусть длилось это откровение какие-то сотые доли секунды – неизгладимое впечатление оно все же оставило.

– Коллега, подойдите, пожалуйста, – во фразе декана обычная манера иронизировать. «Даже, когда серьезен, все равно прикалывается», – пришла мысль.

– Да, Вениамин Петрович. Слушаю вас.

– Да нет, Александр Александрович, это я вас слушаю. У вас что – ни одного вопроса ко мне нет?

– Вы даже мое отчество знаете, Вениамин Петрович? Это весьма льстит моему самолюбию, – попытался в тон профессору пошутить Дарский.

– А мое самолюбие считает нелестным для себя, что куратор идет к курируемому, а не наоборот, – дал понять, что шутки закончились, Пекарник.

– Извините, Вениамин Петрович. На самом деле, я не хочу беспокоить вас по пустякам. Вы же сказали – по организационным вопросам можно обращаться к методисту. Она в курсе. Она же у нас ведет практические по вашим лекциям. И она владеет той информацией, которая мне пока что необходима, – Дарский все же улыбнулся, – Как только я подготов-

люсь – начитаю дополнительный материал, сразу же к вам.

Пекарик ответил на улыбку, но при этом покачал головой.

– Ну, ладно, – и добавил серьезно, – Хорошо, Александр, я вас понял. До встречи.

15.

Для Румана началась работа по изучению материала, необходимого для максимально чистого проведения задуманного. Как посмеивался сам Михаил Моисеевич, «ликбез для кандидата в доктора психологических наук, доцента кафедры прикладной психологии Румана».

Вениамин Петрович четко определил для себя. Во-первых, дать товарищу полный курс теоретической подготовки, чтобы впоследствии подготовить его к выходу за пределы физического тела. И, во-вторых, наработать необходимые навыки этого выхода на случай нештатной ситуации, которая может возникнуть в первой стадии эксперимента. Но вот главное – операцию по соединению с «серебряным шнуром» – энергетической пуповиной донора – решил пока сохранить в секрете: «Если не снесет крышу, как говорят студенты, от того, что узнает, тогда... может быть». Сколько не пытался, не нашел в себе силы поверить, что при необходимости амбиции ученого в Румане, как и страх перед серьезными государственными структурами, умрут вместе с доверенной ему тайной. Не поверил, и все: знал по опыту, как могут меняться люди, не имеющие настоящего стержня в се-

бе. Как они могут подстраиваться под обстоятельства. А в своем друге детства такого стержня не видел.

За пару недель, параллельно этой работе, они вдвоем изучили досконально все отобранные предварительно дела студентов факультета еще раз после того, как их просмотрел ранее Пекарник сам. Работа сблизила: как и в юности, они снова ощутили духовное единство – когда один только успеет подумать, а другой уже озвучивает эту же мысль. Иногда доходило до того, что два взрослых человека начинали шалить, ерничать друг над другом, уже даже не как в юности, а как в детские годы.

В какой-то из моментов, в одной из таких пикировок, Михаил Моисеевич, вдруг став не по теме серьезным, покачал головой:

– Как же все-таки хорошо было тогда...

На мгновение в комнате стало совсем тихо – даже, казалось, за стенами ни звука. У Пекарника появилось странное чувство, что действие в своем собственном кабинете он видит со стороны – из того прошлого, куда его позвал друг детства. «Наваждение какое-то», – он выдохнул воздух, осознав, что только что пару секунд не дышал.

– Брось, Мишель, – Вениамин Петрович с грустной улыбкой посмотрел на товарища, – Чего цепляться за прошлое? Вся наша жизнь, как мне иногда кажется, дана нам лишь для того, чтобы мы научились прощаться... со всем, что встречается на пути. С вещами, людьми, нашими близкими, с мо-

лодостью, здоровьем... – в его голосе появилась хрипотца, выдававшая волнение.

– А чего ты решил, что я за него цепляюсь? – возразил Михаил Моисеевич, – Простая констатация.

Некоторое время они молчали.

– Не возьму никак в толк: почему наши студенты? – вдруг спросил Руман.

– Как почему? – Вениамин Петрович недоуменно поднял брови, – Я было подумал, что ты и сам догадался, раз не спросил сразу. Миша, эксперимент должен остаться в родных пенатах. Это первое. Ну, а другое – проще простого в будущем можно будет объяснить тесные отношения студента и преподавателя. Например, с точки зрения научной работы, где доцент кафедры исполняет роль куратора. В этом случае не надо объяснять, почему студент показывает недюжинные знания

– Ну, да...

К началу следующего месяца уже почти вся подготовительная работа была завершена: Михаил Моисеевич легко освоил необходимые премудрости, что преподавал ему Пекарник. Годы изучения всего, что связано с психикой – как научного характера, так и того, что существовало за пределами науки и всегда подспудно вызывало любопытство – принесли свои плоды. Все было готово к осуществлению эксперимента. Теперь его реализация для участников упиралась в

этический вопрос. Точнее сказать – вопрос вопросов. Если использовать черный юмор, нужно было – всего-то на всего – молодое здоровое тело. И при этом такое, которое его хозяин отдал бы добровольно. Что означало бы – добровольно умер. «Бред какой-то! И к чему тогда вся эта подготовка, – в очередной раз вспыхнул в Михаиле Моисеевиче риторический вопрос, – Может, все-таки Пекарик замышляет насильственный отъем тела? А иначе как? Какой дурак захочет пойти на это добровольно?» Здесь, в который уже раз, начинались философствования по поводу суицида. По поводу шанса – одного на миллион, что кто-то из их студентов захочет вдруг покончить жизнь самоубийством. «Ну, конечно, – усмехнулся Руман, – конечно, и придет к нам сообщить, где и когда он задумал повернуть задуманное... – улыбка сошла с лица, – А если нет, тогда как? Жлоб Пекарик – не договаривает чего-то. Что-то, видимо, оставил на закуску».

Такие мысли по отношению к другу постфактум вызывали чувство вины. Михаилу Моисеевичу становилось стыдно. И если Пекарик был рядом, стыд выливался в чувственное славословие, но очень осторожное, потому что «Веник слишком хорошо видит неискренность: он ведь неплохой физиогномист. Неплохой? Слишком неплохой». Если же его рядом не было, Михаил Моисеевич в полную силу задействовал оправдательную философию, где апофеозом всегда звучала фраза типа: «Чего не бывает между близкими людьми?» Потому что сентенция Христа, говорившая о том,

что близкие твои – враги твои, в полной мере оправдывала любой поступок, за которым приходило раскаяние. Именно его в такие моменты вспоминал Михаил Моисеевич. Почему? Да потому, что, если уж Иисус Христос говорил об этом, значит, иначе и быть не могло: конечно, близкие – враги. И все же за «враждебностью» приходили стыд и раскаяние, и осмысление неточности понимания евангельской фразы.

Любопытство – каким же образом Пекарик думает решить вопрос донора – завладело Михаилом Моисеевичем на уровне идеи фикс. На все его вопросы по этому поводу Вениамин Петрович отвечал расплывчато. А то и вовсе пожимал плечами или отмахивался. Разводя руками, мимикой говорил: «Ну чего пристаешь? Видишь, сам не знаю. Даже не представляю как». Но в его гримасе Руману читалось совсем иное: что-то вроде «ну что? видишь? другого пути нет... только убийство». Пораженный своими собственными страхами, но еще больше – каким-то детским любопытством, заставляющим ребенка отрывать крылья мухе, чтобы увидеть – а что же там будет дальше, Михаил Моисеевич понимал глубину происходящей в нем работы, но вербального эквивалента этому не находил. А потому и тошно, и неспособность становилось от мысли, реализация которой откладывалась на непонятный ни с какой точки зрения срок.

Наконец, он не выдержал. Но на его в лоб заданный вопрос, Пекарик ответил пространно.

– Миша, чтобы ты меня больше не терроризировал своим

прямым вопросом, на который нет прямого ответа, я тебе кое-что расскажу.

Пекарик на несколько секунд задумался, видимо, соображая – с чего начать.

– Однажды, когда я более-менее освоился там... – Пекарик уловил недоумение на лице товарища, – оккультисты называют данный пространственно-временной континуум астралом. Я же говорил тебе, и говорил, что не люблю этого слова: слишком долго опошляли его все, кому не лень, – Вениамин Петрович улыбнулся, – Так вот. Когда я более-менее освоился и стал уже делать попытки покидать пределы комнаты, передо мной возникло странное существо... – Пекарик заметил, как у Михаила Моисеевича округляются глаза, – В этом существе не было ничего такого, что могло бы напугать. Но его быстро меняющийся облик завораживал: заставлял вглядываться, чтобы понять – кто же перед тобой. Голос, непонятно каким образом проникавший в меня, последовал почти сразу же, как только сознание задалось вопросом «кто это».

– Я тот, кто должен предостеречь тебя от неблагоприятных поступков, ответил он, – Однажды начав этот путь, который ты опрометчиво считаешь всего лишь экспериментом, твоя душа уже не сможет стать прежней никогда. Это окажется путем деградации для нее – для сущности, как ты ее называешь.

Я опешил, пораженный ситуацией. И все же сказал, что не

представляю, о чем он говорит. Подумал: о выходе из физического тела идет речь или о проекте замещения?

– Да. Именно о последнем, – ответил он.

– Кто ты такой? И почему заботишься обо мне? – поинтересовался я.

– О тебе? – удивился он, – Скорее, о себе: ко всем своим грехам я еще виновен и в том, что не смог сохранить в тайне одну из своих мыслеформ. В средние века второго тысячелетия в последней глобальной цивилизации – относительно твоего нынешнего проявленного состояния – я был алхимиком. Пытался постичь тайну философского камня. Но постиг то, чего не должен был постигать. Моя душа стала деградировать: теперь она переходит из одной чужой формы в другую. Я не рождаюсь. Так же, как и аватары. Но я по сравнению с ними имею карму. Я делаю то, что ты каким-то образом уловил в информационном поле Земли. Ты узнал то, чего не должен был бы знать с точки зрения собственной безопасности.

– Но я узнал, – возразил возмущенно я, – И что теперь?

– Теперь? Теперь это в твоей судьбе: ты заражен этим. Видишь – не всякий опыт полезен. Любопытство – вот что губит твою душу. Трудно будет тебе остановиться. Я, к примеру, и рад бы это сделать, но уже не могу. Кармический вихрь обладает огромной инерцией. Я его создавал, а вот остановить – уже не в моей власти: должен завершиться цикл. Я, извращенно поняв в себе божественность, буду двигаться по

инволюционному пути до тех пор, пока не опущусь на уровень животного сознания. Пока во мне не иссякнет гордыня. Только тогда вновь появится шанс эволюционировать. Тогда я снова смогу инкарнироваться во все более и более совершенные инструменты – физические тела. Здесь не так, как мы все понимаем в обычной жизни. Не скажешь: «Господи, я все понял. Прости». Да это и не наказание вовсе: это возврат того, что ты брал в долг.

Я показал свое удивление, ведь я ничего еще не делал.

– Знаю, – ответил он, – Но я знаю и то, чего ты не знаешь. То – что ты это сделаешь. Я ведь тебе сказал уже – это твоя судьба. Твое испытание. А ведь можешь и не сделать. Но для этого надо будет совершить невероятный подвиг. Ты никогда не задумывался, почему избранных, которых мир называет святыми, окрестили подвижниками? Да-да-да, ты правильно мыслишь. За то, что они совершали духовные подвиги. А ты? Сможешь ли ты совершить такой подвиг? Сможешь ли отказаться от соблазна завладеть чужим телом? Кстати, вселиться в чужое тело без согласия того, кто в нем пребывает, невозможно. Только получив разрешение: испросив его у какого-либо бедолаги или получив при помощи обмана. Не иначе...

Мне его высказывание показалось непонятным. И я спросил:

– А если кто-то захочет вселиться в мое тело, пока меня в нем нет, то он этого сделать без моего согласия не сможет?

– А ты думал, – отмахнулся он от меня, как от непонятливого ребенка, – Таковы законы.

– Но что тогда может меня заставить разрешить другой сущности войти в мое тело? – решил я переспросить.

– Отсутствие знаний и страх. Кое-какие знания ты уже получил. А страх при минимуме знаний может привести к положительному эффекту для претендента. Тебе надо точно знать, что, если ты пожелаешь вернуться, ты всегда вернешься.

Я не совсем понял, и он уточнил:

– Все просто. Это рассчитано на профанов. Можно, например, совершить сделку по обмену телами, посулив что-то, или сделать это при помощи угрозы расправы над близкими людьми... а, впрочем, зачем я тебе это говорю? Тебе же это не нужно.

В его голосе звучали то ли ирония, то ли сарказм. Я же почувствовал подвох, и мою душу пронзило недоверие.

– Зря, – констатировал голос, – Это от души. Хотел предупредить по поводу излишнего любопытства.

Я тут же возразил ему, что это не просто любопытство. Это научный интерес.

– Да? – булькнул он, – Ты сам-то в это веришь?

– Уже не знаю, – ответил я искренне, – А ты-то сам как переходишь из тела в тело?

– Я? – он даже удивился, – Да таких обреченных на смерть во все времена и во всех странах – миллионы. И тогда, когда

они уже готовы, ничего не стоит посулить им позаботиться об их ближних, чтобы они дали свое согласие.

– А потом? – я спрашивал машинально, не задумываясь особо о смысле, – Что ты делаешь потом? Ведь для того, чтобы человеку пойти на это, нужны причины? Как ты решаешь эти проблемы, попав в тело обреченного на смерть существа?

– Причины важны душе, а не телу. Новая душа, вселившаяся в тело, не обременена теми заботами, которые были у прежней. Она свободна от них. А к памяти физического тела, к его вывертам, с одной стороны, привыкаешь, а с другой – дрессируешь его, поскольку хватает сил.

– Но ведь тело-то остается в тех же самых условиях? – недоумевал я...

– Мало ли стран на земле, куда можно податься с моими вселенскими знаниями и многовековым жизненным опытом? Веришь ли? – в его словах снова прозвучал сарказм.

Я заметил, что мой собеседник становится все более и более прозрачным.

– Прощай, – проник еще раз в мое сознание Многоликий, – Подумай над тем, что узнал...

Еще бы, – возмутился Пекарик, сделав соответствующий кивок головой и посмотрев на Михаила Моисеевича, словно искал в его взгляде поддержку, – Попробовал бы я не думать... – он замолчал, видимо, остро переживая этот самый

момент, но совсем недолго, после чего продолжил:

– Через пару секунд странная сущность исчезла окончательно. «Что он хотел сказать? – недоумевал я, – Что я смогу попасть в тело Дарского либо с его согласия, либо обманом? А ведь я где-то догадывался об этом. Нет, я всегда подспудно знал...» Рассуждения вызывали во мне все новые и новые вопросы. Они как живые циркулировали, повторяясь в разных комбинациях. Чаще всех в потоке сознания возникала фраза «увиджу ли я его снова?» Но вдруг возникла пауза. Появилось напряжение, требующее повышенного внимания.

– Если захочешь, увидишь, – проник в сознание тот же самый голос, – Всему свое время.

16.

Звонить Лере Дарский не стал. Пусть сама. Догадался – с ее инициативностью лучше не конкурировать. Себе дороже. Она позвонила около трех.

– Привет. Ну, что? Ты свободен уже?

– Да.

– Так чего не звонишь? А я все жду-жду. Думаю – вот-вот...

Это «звонишь» резануло ухо. Как-то неприятно стало на мгновение. Но тут же молодость – с ее толерантностью, когда речь шла о противоположном поле – попыталась закапсулировать неприятие в глубокой темноте бессознательности, чтобы, может быть, не вспомнить о нем никогда. «А мо-

жет, достать когда-нибудь, как карту из рукава. В нужный момент. Когда понадобится уколоть побольнее... – заявил о себе сарказм, – Вот оно – профессиональное мышление, – подумал Дарский, – Я уже не могу не обратить внимания на собственные слабости, не анализируя их последствий».

– Але? Саша? Ты куда пропал? Ау-у?

– Да здесь я.

– Ну? Где встретимся? – для проформы спросила Лера, и тут же без всякого промежутка выпалила с восторгом, будто что-то приятное вспомнив, – А давай в «Патио пицце»! Знаешь?

– На центральном?

– Ну да. В четыре.

«Не спросила – успею ли я... Да и вообще – может, я еще не все дела поделал? – всплыло неожиданно в сознание. Александр даже удивился. Никогда раньше такие оплошности девиц не были поводом для критики – подумаешь, глупа или невоспитанна – жить что ли с ней? – Да ну его... – удивленно отмахнулся он, – Занудство какое-то».

– Хорошо, Лера. Я успею.

Короткие гудки возникли, показалось, без паузы, и последние мысли почему-то стали пульсировать за пределами сознания, проживая собственную автономную от него жизнь и создавая внутренний дискомфорт: «Подумаешь, глупа или невоспитанна... подумаешь, глупа или невоспитанна... подумаешь... жить что ли с ней?.. жить что ли...» Это не то

чтобы удивляло. Такое происходило и до сегодняшнего дня. Удивляло другое. «Странно, – думал Александр, – Почему я зацикливаюсь на этом? Никогда же до сих пор со мной такого не происходило». Он машинально усмехнулся. В сознании промелькнул вопрос. Шутливая фраза, которой его друзья периодически потчевали друг друга, когда кто-то из них позволял своей даме то, чего позволять, казалось бы, с точки зрения здравого рассудка не следовало: «Может, это любовь?» Собственная усмешка показалась оскорбительной. Чувствовалась подоплека какая-то. Не хотелось выглядеть лохом даже в собственных глазах. Рациональные знания, не говоря уже о возмущенной интуиции, подсказывали, что такой разворот событий не в его пользу. Что быть ведомым не его амплуа. Что он завянет от тоски, если свяжется с ней. Но колесо судьбы Валерии, провернувшись, уже захватило и намотало, как убийственный шарф Айсидоры Дункан, часть его жизни на себя, не давая опомниться. И он, слегка придушенный, вряд ли уже готов был по-настоящему сопротивляться, потому что не вполне соображал – чему и зачем.

Спустившись по лестнице и пройдя по обширному вестибюлю первого этажа, Александр вышел из здания под огромный козырек главного корпуса. Окружающая картина, которая утром так поражала сюрреалистичной красотой и таинственностью, возымела теперь вид переходной фазы бытия. «Фазы дохлой кошки, – пришла парадоксальная ассоциация, – задавленной только что и лежащей на дороге в ожи-

дании неизбежной фрагментации и последующего тления». Оттепель сняла с веток хрустальное покрытие, и они, затрапезно чернея влагой, представляли жалкое зрелище. А на тротуар, расстелившийся внизу грязной полосой, от посыпания песком с солью, даже смотреть не хотелось. «Вот это радость! – вдруг дошло до сознания, – Я же, кажется, должен на крыльях летать... Вот именно, – увидел он зеленый крест аптеки впереди, – Я должен половину ее запаса презервативов скупить».

Улыбка получилась кислой, и неожиданно в сознание закралась мысль, что здесь что-то не так. Перед глазами возникло лицо, а потом и вся фигура Леры. Особенно ноги в ботфортах. И особенно та их часть, что между сапогами и юбкой. Почему-то задранной вверх. Да так, что видны были черные кружева желтых трусиков. В тон куртки и юбки. «Эстет, черт побери», – усмехнулся: пришло понимание того, что время от последней встречи с женщиной уже исчисляется целым месяцем. Да и встреча – стыдно вспоминать – пьяная и скомканная, как выдавшая виды простынь, на которой они кувыркались. «Даже не то, чтобы стыдно, – опровергнул себя, – скорее, противно...»

«И что здесь после этого не так?! – почти безмолвно делегировало свое возмущение сознанию естество, – Какое, к черту, предупреждение?! Какое предзнаменование? Да ты, Дарский, просто слюняй какой-то! Не-ет... ты баба! – расслалялось естество, – Настоящая баба! В аптеку, придурок!

Бегом! – добавил настойчивый голос, будто ухмыльнувшись с издевкой, – И вперед... к любимой».

– Саша?! – воскликнула поднимающаяся ему навстречу по ступенькам девушка в вязанной шапочке и с рюкзачком, которую он чуть не сбил с ног, выполняя установку туловища, – Ну, Саша! Ну, надо же аккуратнее...

– Дашенька!?! – стал оправдываться Александр, – Прости! Прости, дорогая! Очень спешу, – он взял ее за руку и умоляюще посмотрел в глаза: «Вот тебе и супервизия, Дарский, – он даже внутренне улыбнулся собственной шутке, – Вот тебе и психолог, с которым надо поработать... Меняем гештальт – фигуру и фон – и ситуация под контролем», – Ты возвращаешься? Забыла что-то?

– Конспект оставила... кажется, в столе.

– А в какой аудитории? Помнишь? Может, тебе помочь?

– Ну, Дарский! Ну, и хитрый же ты, – расплылась в улыбке только что возмущавшаяся девушка, – Ты же только что спешил?

Ее милость, сменившая гнев, говорила, что гнева-то на самом деле и не было.

– И это правда, Дашенька. Если ты меня отпустишь, я поспешу дальше.

Даша засмеялась покровительственно.

– Давай, Сашенька, топай, – в тон ему, еще не закончив смеяться, сказала она.

«Вот где девочка! С такой бы покувыркаться... но...» Но

слухи о ее отношении к мужскому полу не давали никаких шансов. Да и мысль, следовавшая почти сразу, о том, что в этом соблазнительном теле, несмотря на прекрасное женское лицо, прячется мужик, приводила к двойственному чувству.

Пробежавшись по ступенькам вниз, а затем по тротуару до соседнего здания, он зашел в аптеку – купил презервативы. А возвращаясь назад, к университетской стоянке, заглянул в «Цветы». Посомневавшись, купил желтую розу.

В «Patio Pizza» вошел без пяти четыре. Осмотрелся. Лера уже сидела за одним из столиков, изучая меню. Будто львица, почувствовавшая запах жертвы, она исподлобья взглянула в сторону Дарского так, что у того похолодело в животе. Но, увидев его и узнав, тут же заулыбалась. Подняла полностью головку, замахала ручкой, показывая, как она рада его видеть.

«Почудится же такое», – расплывшись в ответной улыбке Александр приближался к женщине, чье существование, еще позавчера совсем неизвестное, роковым образом неразрывно сплелось с его жизнью, и чего он еще не осознал доподлинно, но смутно, с осторожностью прагматика, уже начинал догадываться, что происходившее неотвратно и что в нем – мало чего хорошего. Но тот же прагматизм говорил, что все это не впервые, и что ему – Александру Дарскому – дано управлять собственной судьбой: «Захочу – будет продолжение. А не захочу – не будет».

– Привет, – Александр подошел и протянул цветок.

– О-о! Да у нас свидание... – приблизив розу почти к самым губам, Лера приподняла ресницы. Заглянула с улыбкой в глаза, – Но тогда почему желтая? – она наклонила голову, играя стеснение. Опять посмотрела исподлобья. Но теперь с подвохом. Теперь уже улыбаясь одними глазами. Все ее существо – лицо, голова, руки, талия, бедра – все исполняло брачный танец. Танец, скорее, змеи, чем женщины. Она гипнотизировала. Вводила в ступор. Чтобы потом мгновенно напасть и ужалить свою жертву.

– Желтая? – переспросил, щурясь нарочито искусственной улыбкой, Александр. «На вшивость проверяет, – откуда-то из глубины подсознания пришла мысль, – Все жесты говорят об агрессии...» «Ну, братец, ты и ляпнул, – оспорил внутренний оппонент, – Какая, к черту, агрессия? Экспансия». Появилось неприятное, тянущее ощущение в желудке. Потом стало, почему-то, смешно от странного глубокомыслия при общении с красивой женщиной. Как будто сознание никак не могло справиться с противоречием, а потому нейтрализовало его тем, чем смогло – смехом.

– Са-ашенька! – пропела Лера, – Да ну ее к черту, эту розу. Ну, желтая и желтая.

– Нет, почему же? Я скажу...

Лера махнула рукой, показывая, что это ей совсем неин-

тересно. Что вопрос о цвете был всего лишь вопросом светским.

– И все-таки я скажу, – настаивал Сашенька, пытаясь реабилитироваться за оплошность, и этим самым усугубляя свое внутреннее поражение. Понимал – первый тайм он продел, как школьник. Понимал и то, что манера поведения Леры на невербальном уровне расходится с любыми его представлениями об общении с противоположным полом. Все ее движения, все жесты – абсолютно все действовали на него гипнотически. Он машинально даже хотел уйти – освободиться от этого. Но сразу стало неловко. До того, что пришлось опять перед собой оправдываться. Что-то неладное творилось сегодня с ним. Что-то угрожающее. Он это понимал, захваченный бурным потоком нахлынувших чувств. Но сделать уже ничего не мог. И странно: где-то в глубине души это ему даже нравилось. Нравилась Лера. Все ее завораживавшие движения, посылавшие сигналы в низ живота. Ее запах вперемешку с запахами кремов, макияжа и парфюма. Особенно когда она наклонялась к его уху, чтобы что-нибудь шепнуть. Просто так. Хотя обстановка и не требовала. Потому что поблизости – никого. А музыка, сосредоточенная в районе бара, настолько тихо играла, что даже шепота при обычной дистанции не могла заглушить. Но какой флирт может обойтись без, казалось бы, ничего не значивших прикосновений, шепота на ушко и легких дружеских поцелуев. Весь этот скромный арсенал к Дарскому стал применяться уже

после первого бокала мартини. И если в самом начале эстетическое любование собеседницей несколько превалировало над плотским желанием, то к концу часа пребывания с Лерой, он уже готов был овладеть ею, не сходя с места. Тем более что она этому только потворствовала, наслаждаясь тихой пока властью над ним.

Наконец, подвал души втянул в себя столько энергии, что на рациональное мышление ее стало не хватать.

– Лерочка, – Дарский положил ей руку на плечо. Ощутил завитки волос на шее. Стал поглаживать их, одновременно наклоняясь к уху, – Лерочка, ты не против, если я приглашу тебя в гости?

– В гости? – она хитро взглянула на него, – Сашенька, когда? Завтра?

– Да хоть сейчас, – подыграл Сашенька, изобразив непонимание. Мол, чего завтраками тешиться. Завтра – оно и в Африке завтра. Его еще ждать надо. И вообще, зачем оставлять на завтра то, что можно сделать сегодня.

Зазвонил телефон. Александр достал его и сразу поднес к уху.

– Да, мама. Здравствуй... – он с минуту слушал, пытаюсь подавить в себе нетерпение, – Мамочка, давай я тебе завтра перезвоню. А в твоём сне – ничего страшного. Подумаешь, голый. Все. Целую. Отцу привет, он спрятал телефон в карман, – Ну, так что? Поехали?

– А что мы у тебя будем делать? – снова стала ерничать

Лера.

– А ты что? Не знаешь, что делают мальчики и девочки в постели?

– Неа! А что? – Лера веселилась – то ли играла, то ли на самом деле после трех бокалов мартини опьянела. Прimitивно расслаблялась. По принципу – мозг отдыхает, язык болтается.

– Музыкачку слушают. А ты, правда, не знала?

– Так мы к тебе, Сашенька, поедem слушать музыкачку? – перебила она его.

– Ну, конечно, Лерочка, – поддакнул Сашенька, – Музыкачку послушаем. Потанцуем, – он рассмеялся.

– Ну тогда лады, – заключила она, махнув рукой, – Танцы-шманцы... а кровать-то у тебя хоть двуспальная? – она не стала отрывать решение от действия и тут же стала подниматься, – Я сейчас, – кивнула в сторону выхода, намекая на дамскую комнату, – Рассчитывайся и жди меня в вестибюле.

Минут через десять они спустились по ступенькам с невысокого крыльца. Через полчаса желтая – с рекламным щитом на крыше – «Волга» высадила их у подъезда дома Дарского. А еще через десять минут, поднявшись на лифте, они, изнемогая от желания, раздевали друг друга по дороге в спальню.

18.

Ближе к Новому году, в первой половине ноября Вениамин Петрович как-то позвонил Руману домой.

Трубку подняла Роза Аркадьевна. Ее детский голосок всегда смешил Пекарика. Наверное, сознание никак не могло примирить в себе звук колокольчика, исходивший из колокола. Сдерживая несоразмерную ситуации улыбку, которая могла отразиться на чувственной стороне баритонального звучания, Вениамин Петрович попытался как можно мягче сыграть друга семьи:

– Здравствуйте, дорогая Роза Аркадьевна.

Почти мгновенная, но очень выразительная пауза, пока Роза Аркадьевна настраивала психику на разговор с начальником мужа, дала понять Пекарику – кто он для нее есть на самом деле. «Вот так всегда с ней. Нет бы сказал, – Роза, привет, – или, – привет, Розочка. А то, – здравствуйте, дорогая Рлоза Арлкадьевна... фу», – заключил, продолжая улыбаться.

– Ой, это вы, Вениамин Петрович? – схитрила Роза Аркадьевна, будто сразу не узнала его, – Здравствуйте! А Миша... Михаил Моисеевич в ванной. Он брелется... Что-нибудь перелдать ему? Или что?

Это «или что» умилило Пекарика. Мадам Руман, как он ее называл про себя, всегда тушевалась в разговоре с ним. Это, почему-то, налагало отпечаток и на него. Может, поэтому у них никак и не складывались отношения.

– Попросите, пожалуйста, пусть перезвонит мне, как освободится.

– Харлашо, Вениамин Петрович...

– Спасибо, Роза Аркадьевна.

Получилось сухо. «Некрасиво. Как будто секретарше поручение дал. А впрочем...» Пекарик задумался. «Ведь и правда. Пятнадцать лет уже точно есть. И за это время, живя через этаж, мы так и не стали дружить семьями... – он кисло улыбнулся, – Я – семья... а Мишка-то, поц... до сих пор два раза бреется, – стало вдруг весело, – Утром – для приличия, а вечером – для удовольствия... для Розочки своей любимой».

Пока он размышлял, а потом хозяйничал на кухне, чтобы почаяевичать, уже позабыв о Розе Аркадьевне с ее милым голоском, прошло минут двадцать. Все уже было готово, и он как раз снимал чайник с конфорки, как зазвонил домашний телефон. Договорились с Руманом, что завтра весь вечер посвятят окончательному анализу последнего кандидата. Выберут, за кем наладить контроль. Может, даже получится с видеонаблюдением.

Пекарик решил обратиться к своему коллеге – программисту, с которым общался по работе «на стороне». Оба номинально относились к службе начальника охраны в компании «Сити Групп», хотя напрямую подчинялись не ему. Оба были участниками переговоров, где Пекарик выступал в качестве специалиста по невербалике: мимике, пантомимике, голосу, взгляду, а также по оговоркам, построению фраз и способам подавать себя. Этим и снискал себе тихую, но хорошо оплачиваемую славу. Фактически – ни одна сделка без

него не обходилась.

Единственное, что не состыковывалось по поводу видеонаблюдения – проникновение в чужое жилье. И это становилось серьезной причиной, когда Пекарник обдумывал дальнейшие шаги...

– Ладно! Бог с ним! Утро вечера мудренее, – после нескольких секунд сомнения Вениамин Петрович включил телевизор.

На экране – упрощенные, порой до гротеска – замелькали перипетии несовершенства государства и, естественным образом отсюда, социума. Как будто корреспонденты соревновались друг перед другом – кто противнее оголит все пороки и неприглядности жизни. Как будто жизнь вот такая и есть – гадкая и несуразная. И ничего в ней нет святого. «В самый пик внимания сограждан, – подумал Пекарник, – самые отвратительные политические и социальные сюжеты, самые кровожадные с порочными героями фильмы. Здорово! И они хотят... а кто они? И хотят ли?» Он разостлал кровать. Пошел – почистил зубы. С удовольствием разделся. С еще большим удовольствием почувствовал спиной простынь, а коленками и грудью – пододеяльник: «Как хорошо!» Нега разлилась по всему телу, по мышцам и сухожилиям, по коже, обласканной «здоровой силой льняных нитей, структурированных так, что уток поддерживает основу, а та его... а друг без друга они – ничто... как пространственно-временной континуум... эка меня занесло, – выплыло из расслаб-

ленного сознания удивление, – и здесь нашел возможность помудрствовать».

Нега, пришедшая с прикосновением постельного белья, мягко, но настойчиво стала трансформироваться в негу составов – вязкую, тонко вибрирующую наслаждением, сопровождающим переход через пограничную – сумеречную – зону. Вениамин Петрович как бы растворялся в ней. До нее – был, а в ней – уже нет. «Как приспособление для уничтожения документов, – подумал он, мягко пульсируя между исчезновением и возникновением, – вжик, и нету... только здесь можно вернуться...»

Сонное умиротворение слетело. Неприятное чувство, перекочевавшее каким-то образом из сознания в желудок, докучало своей реальностью после всего, что реальным только что казалось. Это, вроде, и чувством не назовешь, но как-то очень уж на него похоже. Перед глазами, в виде маленькой дверцы – почему-то цвета медной патины, возникла перспектива безвозвратного ухода. Вениамин Петрович даже чертыхнулся: «Вот и заснул». Он лег на спину, положив руки под голову, и стал думать. Чувство страха? Нет. Скорее, чувство сожаления от расставания с чем-то дорогим, не контролируемое при засыпании, постепенно рассосалось вместе с ощущением желудка. Его как бы ни стало. Но появилось сердце. Оно так не хотело останавливаться. Хотело жить. Его все устраивало. У Вениамина Петровича сознание даже помутилось на какой-то миг. Пришло сожаление о том,

что может оказаться недоделанным. И от того, что эксперимент может не выгореть как на первой стадии, так и на последующих. И – как отреагирует чужеродный объект, если управляющей окажется иная полевая структура – его, Пекарика. «А ведь не Пекарика, а моя... господи, я уже о себе говорю в третьем лице. Мало того, что язык не поворачивается назвать чужое тело телом – объект, видите ли, так еще и сам я – не я, а управляющая полевая структура». Досада мозга, появившаяся от такого пассажа в рассуждениях, стала разрастаться, смешиваясь с грустью сердца и частично вернувшимся ощущением в желудке, почему-то отдающемся почти незаметной пульсацией чуть ниже пупка. Вениамин Петрович почувствовал неприятное ощущение влажности чуть ли ни всей поверхностью слипшегося с пододеяльником туловища. Вспомнил Господа всуе и с сожалением встал. Откинул подальше край одеяла, влез в рукава халата и пошел на кухню – утолить появившуюся жажду. «Интересно получается. Я-то не боюсь... а тело боится... для него-то вечности не существует».

19.

Проснулся он с чувством тревоги: «Вечер или утро?»

Тускло горел ночник. За окном, в темноте ночи светящимися квадратиками выделялись темные силуэты новых высоток, вlepленных совсем недавно в тесное пространство квартала. Ощущение недолгого забвения не покидало созна-

ние. Вроде и не спал вовсе. Но что-то нарушало это умозаключение. Что-то не вписывалось в него. «Время?» Глаза всмотрелись в циферблат часов, стоящих на тумбочке: «Точно... Шесть тридцать одна. Минуты еще не прошло, как прозвонил будильник... Видимо, я проснулся либо с последним звуком сигнала, либо сразу после него».

Обязанности дня, вначале не подававшие признаков жизни, стали шевелиться в сознании. Оттеснив животную тревогу, оставшуюся от вчерашнего вечера, они принесли тревожность человеческую, граничившую с суетливостью, на что услужливое сознание выдало один из философских перлов Востока: человек должен изжить из себя обезьяну. Мимика тут же отозвалась на это улыбкой. «Ну вот – сам себя разве-селил». Всплыло, почему-то, юношеское «да, я дурак, и ни-сколечко об этом не жалею». «Вот-вот. Это особенно актуально, – с издевкой подумал Вениамин Петрович, – только дай слабину спонтанному мышлению, и оно сделает из тебя достойного члена общества».

Сначала утренние заботы, а потом и работа надолго отвлекли и от подспудно приходивших философских изысков сознания, и от грустных размышлений об окончании земного пути телесной оболочкой Пекарика Вениамина Петровича, и о перспективе полного развоплощения при неудачном исходе эксперимента. День оказался загруженным основательно. Административная работа. Две лекции к тому же, на одной из которых он снова украдкой разглядывал Алек-

сандра Дарского, соотнося его невербалику с тем, что думал о своей. Тот пару раз даже перехватывал его внимательный взгляд, после чего Вениамин Петрович нарочито старался не смотреть в ту сторону, и это мешало, неприятно напрягая сознание. Но так было надо.

Спросив – есть ли что-то непонятное по теме лекции, и не обнаружив должного интереса, профессор Пекарик посмотрел на часы и наказал студентам минут десять не покидать помещение – «посидеть тихонько до звонка, чтобы хождением по коридору не отвлекать внимания коллег в других аудиториях от учебного процесса». Восстановилась относительная тишина – авторитет декана работал безоговорочно.

Симпатия, возникшая у Вениамина Петровича к заинтересовавшему его молодому человеку, изначально, конечно же, была импульсивной. Сработал простейший механизм чувственного восприятия: нравится – не нравится. «Но разве она возникла не тогда, – вездесущий ум стал искать компромисс, – когда сознанием уже завладела идея поиска донорского тела?» Вениамин Петрович вспомнил, как принимал однажды экзамен и обратил внимание, каким образом один из студентов выстраивал свои умозаключения. Это событие заставило серьезно обратить на себя внимание. Он тогда машинально запомнил и имя, и фамилию парня, хотя сомнения в глубокомыслии, которое профессор увидел в студенте, все же были. «Может, просто хорошая память? – подумал тогда, – А источник попался стоящий». Вопросов он

тогда особенных не задавал, «дабы не испортить впечатления». Так – парочку по теме, чтобы поставить высший бал. А в другой раз, присутствуя на зачете в качестве куратора молодого коллеги, понял, что алгоритм ответа у молодого человека продуман. Понял, что пространство его сознания достаточно четко структурировано. Осознание этого не только снова приятно поразило его, но и вызвало уважение. Сейчас уже он понимал, что лучшей кандидатуры ему не найти. Боялся, что иные, чем у Александра параметры физической оболочки – планетарного инструмента – просто не дадут возможности воспользоваться теми знаниями, которые он накапливал в течение всего периода метемпсихоза – во всех своих предыдущих воплощениях. Да и в последнем в том числе. Не было никого из студентов, кроме разве одного – Мешкова – столь же одаренного, как и Дарский. Вениамин Петрович боялся еще и того, что в более слабых вариантах выбранной «физиологии» впоследствии – даже если поначалу он и сможет применить все накопленное – уравнивающий все и вся механизм интеграции противоположностей в динамически развивающейся системе чужого организма, изменит результат соотношения частей. Он боялся деградации личности, являющейся буфером между новым туловищем и его сущностью. Главное в эксперименте для него – не молодое тело само по себе, а возможность продолжения научной работы, постижение неизведанного. Хотя, конечно, в глубине души теплилась искорка – повторить молодость.

Умом понимал: ничего не будет – память не позволит. Но всколыхнувшимся чувствам до этого не было дела.

«Нет, главное – наука... Стоит ли в данном случае искусственно перевоплощаться, если цель еще даже в теории терпит фиаско?» – попытался их вразумить здравомыслие. Но поверить в этот самообман профессор не успел. «Ну-ну, – поднял голову сарказм искушенного знаниями циника, – это ты так говоришь, пока ты Пекарик, пока уровень тестостерона в твоём туловище не зашкаливает за пределы разумного, как раньше. Расставишь приоритеты, когда станешь Александром Дарским. Вот тогда и поймешь, что важнее – наука или жизнь». «Какое неприкрытое ехидство по отношению к себе самому, – удивилось здравомыслие, – какая неприязнь к слабостям». «А ты как думал?» – слышалось оттуда же. «Только Дарский, – пульсировало в сознании, – Если что – только он». «Наконец-то, никаких «или»... А что это за хитроspлетение такое –

«если что»? Что должно случиться?.. Кердык?..

Вениамин Петрович вдруг опомнился: тьфу, ты – опять спонтанное мышление втянуло в нелепое состояние, взялось за плетение внутреннего диалога между субличностью. «Двуногое существо» – вспомнил отношение Елены Рерих к людям, в ком животное начало предопределяло божественное.

Тишина в аудитории прервалась звонком.

– На сегодня все свободны... – говорить что-то еще ста-

ло бесполезно. «Вот так, – усмехнулся Вениамин Петрович, глядя на рванувшую к дверям массу молодых здоровых тел, – Ну что ж... до свидания, коллеги».

20.

Мысли о Дарском, вызывавшие раньше любопытство в Пекарике только при встрече, последнее время доставали его и тогда, когда того рядом не было. Так случилось. Осознание заявлявшей о себе гнусности, леденящим холодом проникавшее в душу, чем чаще осуществлялось, тем более дифференцировалось, становясь четче и ощутимее. Наконец, пришло понимание, что это голос совести пытается пробиться из темноты бессознательного бытия, заявить свои права на душу. Чувство, появившись однажды – при первом притяжении на чужое тело, становилось все более и более невыносимым. Казалось бы, чего беспокоится? Кто будет знать об этом? Господь Бог? «Так он и не такие эксперименты проводит, – думал Пекарик, – Его изыски, которые мы называем целесообразностью, по своей мерзости иногда невозможно сравнить со всеми злодеяниями человечества, вместе взятыми... так мы-то – дети неразумные. Мы только чуть-чуть оторвались от уровня высокоразвитых животных. Мы-то по-настоящему не ведаем, что творим». Такого рода апелляции облегчения не приносили даже с учетом того, что для профессора Пекарика работа причинно-следственного механизма нелинейной системы была совершенно понятной. Че-

рез трансцендентное его постижение – через транс. Работа того самого механизма, который и осуществлял целесообразность, интегрируя полярности на каждом возможном, самом, казалось бы, незначительном уровне Вселенной. Неисчислимо множество частей, синтетически взаимодействуя между собой, порождало гомеостаз Системы Систем – ее динамическое равновесие. Оно следовало как результат аналитических процессов в ее организме – результат дихотомического деления единицы. «Если значение слова «дихотомия» истолковывать с точки зрения биологии, – возразил Вениамин Петрович виртуальному визави, – Недаром каббала видит Вселенную как дерево. Каждая веточка в нем, разделяясь надвое, и создает дихотомию».

Профессорский ум вдруг осознал всю нелепость собственных рассуждений, не способных дать рациональных результатов. «Да-а, хлеб из этого, конечно, не испечь. То, что невозможно подтвердить экспериментом – притом не единственным – лишь теория. Для науки мои изыски – полнейшая авантюра. Но не для меня, прошедшего завесу бытия и смотрящего в бездну».

Душа продолжала болеть. Болела все так же, не удовлетворенная логическими обоснованиями академического образования вперемежку с крохами знаний, появившихся из информационного поля Системы Систем, которые оставили прежние цивилизации, и достававшихся нынешней по наследству. Душа подталкивала к пониманию, что отсутствует

целесообразность в деянии, замышляемом одним человеком против другого. «Но ведь сигнал зачем-то дан? – сопротивлялся ум, – Для чего-то Вселенная открыла эту дверь передо тобой – представителем человечества? Зачем?»

Вдруг истина, как всегда молниеносно блеснувшая в сознании, оставила мгновенный светящийся след своего присутствия: Высшие Сферы! – вот с чьего соизволения начат эксперимент. «Да! И он уже идет. Не иначе. А все то, что происходит, ни в коем случае невозможно измерить человеческим представлением о миропорядке. Потому что человеческое представление о нем – это небольшой штришок в огромной картине мироздания. Нельзя увидеть ее принципы во всем великолепии, стоя перед ней лицом к лицу, словно у фрески на огромной стене. Но зато можно рассмотреть каждую трещинку на краске. И даже, может быть, крупинки на штукатурке. Но поднявшись до принципов и узрев божественную композицию того, что видел только что, уже не увидишь конкретики. А эти противоположности можно соединить только в себе».

«Эка заговорил... – снова подал голос внутренний визави, – А ты не думал, что Вселенная могла открыть эту дверь перед тобой не для того, что бы ты осуществил убийство? А, может, именно для того, чтобы проверить тебя на вшивость?»

«Ха! Sancta simplicitas! Святая ты простота, – присоединился к нему дремавший в Пекарике циник, – Высшие Сфе-

ры, говоришь? А если мои амбиции или моя алчность победят? И я отдам человечеству эти знания? Тогда как? Пусть мир летит в тартарары? Пусть сильные мира сего теперь и с моей помощью пожирают слабых – живут вечно за счет тех, кто не сможет этим воспользоваться? Ты хоть представляешь, что будет?» – захлебывался от торжества цинизма ум, горделиво намекая на свое всеисилие.

«А-я-яй! Тешишь свою гордыню, профессор, – посетовала совесть, – Ты же знаешь, что испытания даются по силам. Тебе остается – всего-то ничего – положить маленькую крупинку на одну из чаш весов».

«А если я положу не на ту?.. Все? Капнут?» – наивно продолжил потешаться ум.

«Нет, – потеряла интерес к бесполезным дебатам совесть, – придет кто-то другой и положит крупинку на противоположную чашу».

«Так просто?»

«В этой простоте невероятная сложность механизма, порождающая совершенство. Ты же знаешь, как никто другой: глубина анализа – это залог совершенства синтеза. Вот так-то!»

Вениамин Петрович вдруг очнулся, снова вспомнив «двуногое существо», и посмотрел на стоявшую у дверей девушку, в глазах и позе которой переплеталось сомнение в тактичности собственного присутствия и желания получить ответ. «Кажется, она что-то спрашивала?» Он хорошо помнил эту

студентку, с тех пор, как впервые увидел на вступительных экзаменах. Все было порознь в ее лице. И какой-то смешной нос. И большой рот. И пухлые губы. И тем более выдававшийся высокий и широкий лоб. Все бы жило в этом лице своей жизнью, если бы не глаза, большие умные глаза, которые ухитрились все это объединить, в итоге сотворив нечто среднее между женщиной и ребенком. За три с небольшим года, которые с тех пор прошли, она почти не изменилась. В ней только женщины, пожалуй, стало чуть больше.

– Вы что-то хотели, Дарья? – благодушно спросил он.

– Да, Вениамин Петрович, – она засмушалась – видимо, не ожидала такого участия, и это ей шло – скорее всего из-за румянца, пробившегося на щеках, – Мне сказали, что вы в порядке исключения будете курировать три курсовые работы. Могу ли я взять у вас одну из тем?

– Естественно, можете... если не боитесь, конечно... – Пекарик внимательно посмотрел в ее красивые глаза, – А вы темы видели?

– Да, безусловно. Я только что от методиста. Две из трех свободны.

– А третью кто взял? – слукавил Пекарик, чтобы продлить разговор.

– А вы что, не ... – наивно начала она, но поняла свою оплошность, – Так Саша Дарский. Он, наверное, сначала решил застолбить тему, чтобы никто не взял, а потом уже у вас спрашивать. А я специально сразу спрашиваю, – затара-

торила она, будто бы испугавшись, что декан, о чем-то спросит, – Чтобы дома просмотреть материалы. Потому что мне обе оставшиеся темы близки, и я бы хотела выбрать... я завтра вам скажу – какая...

– Хорошо, Дарья. Договорились.

– Спасибо, Вениамин Петрович, – совсем смутилась девушка, – До свидания.

Она уже почти полностью повернулась, собираясь толкнуть дверь и выйти из аудитории.

– Секундочку... – Пекарик чуть повысил голос, чтобы быть услышанным, – А вы не помните, какую тему выбрал Дарский?

– Точно не помню формулировку... по супервизии.

– Понял. Спасибо, – улыбнулся Вениамин Петрович.

Она по-детски откликнулась улыбкой на улыбку и скрылась за дверью.

Основные занятия для первой смены уже закончились. Время обеда. Тишина, пришедшая на смену шуму, почти никем и ничем не нарушалась. «Сегодня будем обсуждать кандидатуры с Руманом, – Пекарик поморщился, – А зачем? Зачем, если я уже все решил». Он на автомате положил свой издававший виды конспект лекций в портфель, щелкнул застежкой и вышел из аудитории.

21.

«Уже две недели безумства... – пробуждение вносило тре-

возную ясность в отрезвленное сном сознание, – Пятьсот евро месячной родительской стипендии и почти две штуки, что собирал из остатков! А те, что родители презентовали на Новый год? – Дарский прислушался к ровному сопению Валерии. Не смог сдержать вздох, совершенно естественно завершивший и непроизвольную задержку дыхания, и осмысление своего нынешнего положения, – Все накрылось медным тазом, а еще конец ноября только, – он снова вдохнул, – Какому-то мудрому трамбу, блин, ушла почти тысяча на какое-то турецкое меховое ничтожество, не закрывающее даже пупок».

– Франция... – тихо процедил сквозь зубы, – «Здорово! Заказал потомкам Османской империи нужный лейбл, и все – считай барыши... а жратва в ресторанах... а цветы... любимой, – он кисло улыбнулся, – О соцвыплатах при таком раскладе можно и не вспоминать...»

Глаза сами собой открылись. Невмоготу стало лежать и заниматься самобичеванием. «Короче, Дарский, кончай этот духовный анонизм. Хватит ковыряться в ране – все равно уже ничего не исправишь. Ну, поимели тебя. Но ведь не без твоего же участия?»

«Разве это поимели? – прозвучало в сознании, – Это еще цветочки. Ягодки-то впереди. Ты же хочешь обладать этой женщиной? Хо-очешь. Понятно же». Александр приподнялся, облокотившись на подушку, и посмотрел на спящую Валерию: «Лерочка. Лерунчик. Девочка моя ненаглядная, –

вздыхнул, – Ну что, Сашенька? Молчишь? Сказать нечего? Тогда подмывайся». Он покачал головой и снова тихонько лег. Тут же голос внутри извергнул порцию злорадства: «А еще – всего пару раз за это время был на занятиях». Университет, и вправду, как-то вдруг и бесповоротно ушел на второй план.

Лера изматывала его собой. И днем, и ночью. А он старался потакать каждой ее прихоти, насколько это было возможно. Хотя некоторые капризы, из-за невозможности их реализации обращались в обещания. В долги – другими словами. И это начинало тяготить, а порой и раздражать. Заставляло внутренне становиться жестким. Когда такое происходило, она мгновенно меняла тактику – становилась мягкой и податливой, на все согласной. Старалась угодить во всем «Санечке». Ласкала и даже называла любимым. Зализывала душевные раны, заживляла их. Но как только Санечка расслаблялся, его ждал подлый удар под дых. А точнее – в пах. Только что любящее существо превращалось в гурию или в орла, который прилетал к Прометею клевать печень. «Вот она – настоящая женщина, способная будить в мужчине те качества, которые ей необходимы, не доводя дело до крайности, до точки невозврата. Если, конечно, это по каким-то соображениям ей удобно», – Дарский лежал на спине с открытыми глазами, пространно глядя в белый с золотистым подвесом потолок. Мысли, возникавшие в сознании, отражали реальность, ворочавшуюся в душе. Плоть кричала «хочу», под-

крепляя призыв частью крови, сосредоточившейся в низу живота. Личность, прошедшая в последние дни не один круг унижения и постигнувшая уроки стервозности, сомневалась. А сущность наблюдала, резюмируя ежесекундно внутренние переживания и посмеиваясь, поскольку ей хватало знаний текущей жизни и опыта поколений. «Такое умение, – вещала она, – передаваясь от матери к дочери, присуще женщинам, из рода в род выходявшим замуж за не любимых, но состоятельных мужчин, предварительно пройдя огонь и воду. Не по чину взял ты женщину, Дарский». Александр выскользнул из-под одеяла, накинул халат и на цыпочках вышел из спальни. Пообщался с «белым проглотом» и пошел на кухню – насыпать полосатой бестии, выющейся вокруг ног, корма. Заодно решил поставить воду для кофе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.